

НАТАЛЬЯ
ШНЕЙДЕР

ЭРИС
ШЕЙД

НЕПРАВИЛЬНАЯ
Лексис
РЕКТОРА

18+

Наталья Шнейдер Эрис Шейд Неправильная. Эликсир ректора

<https://litres.ru/74332657>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я — Эйра Фростгард. Для отца-генерала я пустое место; недостойная его фамилии. Для ректора Рейвена — «выскачка в юбке», которой не место в военной медицине. Он намерен выжить меня из академии, превратить учебу в ежедневную пытку и ждет, когда я сломаюсь.

Но у меня нет выбора. На кону — жизнь моей сестры. А значит, я должна пройти через все, чтобы найти способ ее спасти.

Но когда над академией и городом сгустится магическая тьма, нам придется вместе вскрывать не только раны больных, но и раны в собственных душах.

Содержание

1.	5
2.	10
3.	14
4.	18
5.	23
6.	28
7. Альтер Рейвен	33
8. Эйра Фростгард	38
9.	45
10.	51
11.	57
12.	64
13.	70
14.	78
15	83
16. Альтер Рейвен	89
17. Эйра Фростгард	96
18.	101
19.	107
20.	112
21.	118
22. Альтер Рейвен	124
23.	128

Неправильная. Эликсир ректора

1.

«Интересно, с ней он тоже спит?» — промелькнула мысль на исходе часа ожидания в приемной дорогого отца. Его секретарша, девушка едва ли лет на пять старше меня, лениво подняла взгляд и очередной раз презрительно скривилась, как будто мы одним присутствием пачкаем идеальное пространство кабинета.

Знала бы она, сколько таких тут уже побывало, возможно, это сбило бы с нее спесь.

Пока Лейн безразлично смотрела, как за окном с каждой минутой становилось все темнее, я уже извелась: до моей смены оставалось меньше полутора часов, а отец заставлял нас ждать. Я была уверена: он специально, надеялся, что мы сдадимся и уйдем. Потому я и взяла с собой сестру, хотя та не хотела идти. Но кто-то должен был сбегать в аптеку, если я не успею.

Возможно, в другой раз я бы не стала ждать, но не сейчас — артефакт Миранды истощился. Новый кристалл, который не позволит ее магии пожирать саму себя, стоит как моя годовая зарплата медсестры. Без отца не обойтись.

Сигнальный кристалл на столе секретарши засветился долгожданным зеленым светом, оповестив о том, что наше ожидание подошло к концу.

— Его светлость освободился и готов вас принять, — произнесла секретарша слащавым голосом.

Она жеманно поднялась, поправляя узкую юбку, и распахнула перед нами тяжелые дубовые двери в кабинет генерала службы магической санитарии империи Эстерлин, лорда Фростгарда.

Я вскочила со стула, на котором провела все это время, лишь периодически вставая, чтобы размять ноги, и быстро одернула платье, мысленно поблагодарив себя за то, что утром успела аккуратно заштопать очередную дыру на подоле.

— Останься здесь, — сказала я сестре, зная, что разговор с отцом легким не будет.

Однако Лейн так же равнодушно, как стояла, развернулась и следом за мной зашла в кабинет. Я поджала губы, но спорить времени не было.

Нас тут же накрыло тяжелой волной запахов: дорогих рураллийских сигар, терпкого одеколona и типографской краски. Лейн осматривалась, разглядывая массивные шкафы с золотым тиснением на книгах, бархатные портьеры и огромный стол из темного дерева. Мне это все было уже неинтересно — насмотрелась.

Хозяин кабинета стоял у окна, заложив руки за спину. Вы-

сокий, поджарый, в хорошей форме, даже несмотря на то, что давно уже штабной. Правильно, как же иначе менять молодых жен. Он даже не соизволил повернуться, прежде чем «поприветствовать»:

— Денег не дам.

Лейн, которая ни разу после ухода отца не имела счастья видеться с ним, вздрогнула и чуть слышно ахнула. Этот тихий звук словно резанул по живому. Да, вот так мы с папой каждый раз и общались. Как побирושка и богач, великодушно подающий милостыню, а не как дочь и отец.

Как же мне не хотелось, чтобы Лейн это видела! Зачем я вообще позволила ей войти? Пусть бы она помнила его просто строгим и отрешенным, а не этим бездушным куском... Теперь она знала. Видела его истинное лицо.

— У Миры истощился артефакт, — сдавленно произнесла я. — Я пыталась снять приступ магией, но я не целитель.

— И что?

— Ты же знаешь, что она умрет, если...

«Генетический дефект», — говорили целители. Врожденная аутоагрессия. Магия Миры распознавала её же собственные ткани как врага и пыталась уничтожить. Кристалл-селектив работал как молекулярная «ловушка» — он связывал агрессивные частицы эфира раньше, чем они успевали вцепиться в ее органы. Но его ресурс иссяк.

— А мне плевать. — Отец рывком обернулся и окатил меня ледяным взглядом серых, рано потускневших глаз. —

Я давал вашей матери деньги в начале месяца. И если она не умеет ими правильно распоряжаться, тратит на всякую дребедень, это уже не мои проблемы.

— Кристалл стоит как мой годовой заработок!

— Учитесь жить по средствам.

Ни тени сочувствия, ни капли тепла. Только раздражение, словно мы были назойливыми мухами.

Я коротко вдохнула и закусил губу, стараясь ничем не выдавать свои чувства. Внутри все сильнее клокотали злость и обида. Все, что у нас оставалось от прошлой жизни — когда мать была леди и женой герцога, ушло на артефакты, поддерживающие жизнь Миры. Денег, которые давал отец, нам хватало ровно на то, чтобы не сдохнуть от голода и не питаться на помойке.

Но когда у кого-то из моих пяти сестер окончательно рвалась обувь или, как сейчас, срочно нужны были лекарства, мы оказывались в большой заднице... Обычно пойти к отцу было крайней мерой, но сейчас мне было некуда больше деваться.

— Я вас содержу, хотя мог бы этого не делать и никто бы меня не осудил, — добавил отец. — Так что будь благодарна. Меня затрясло.

— «Содержу»? «Давал деньги»? Ты называешь эти жалкие подачки деньгами?

— Как ты смеешь разговаривать со мной в таком тоне? — Его глаза сузились.

— Смею! — выкрикнула я, делая еще шаг к нему, где-то на задворках сознания понимая, что пожалею об этом. Но меня уже несло. — Ты здесь красуешься в мундире с золотым шитьем, герой империи, остановивший эпидемию, а мы перебиваемся с хлеба на воду! Пока ты меняешь своих баб как перчатки, тратя на них безумные средства.

Я обвела рукой его роскошный кабинет, указывая на коробку сигар на столе.

— Одна твоя сигара стоит больше, чем мы тратим на еду за неделю! Тыставляешь себя святым перед всем светом — и жалеешь деньги на лекарство для собственной дочери! Ты не герой, отец. Ты просто скупой, лживый...

Договорить я не успела. Испугаться тоже. Мир взорвался ослепительно-белой вспышкой.

Звук удара я услышала уже внутри собственной головы — глухой, влажный хруст.

2.

Пол ударил в колени, затем в ладони. Сначала боли не было. Только звенящая пустота и странное, ватное онемение в левой половине лица. А потом во рту разлился металлический привкус крови.

— Вон. — Голос отца прозвучал тихо, но от этого стало еще страшнее. — Можете больше не приходить, денег не будет до следующего месяца.

Скула горела. Я пошевелила челюстью — больно, но двигается. Значит, не сломал, пострадали только мягкие ткани. С трудом, борясь с головокружением и набегающими слезами, я заставила себя встать, взяла Лейн за руку и вышла из кабинета. Я не собиралась радовать отца видом моих слез.

Секретарша мазнула по нам брезгливым взглядом, кажется, больше переживая о том, что мы можем испачкать ковер, чем о том, как ее начальник относится к собственным детям.

Плевать.

Сейчас нужно было как можно быстрее найти деньги. Пусть не на кристалл. Хотя бы на обезболивающую настойку. Аптекарь скоро закроет лавку.

Мы вылетели из здания словно ошпаренные. Холодный вечерний воздух ударил в лицо, немного остужая горящую щеку, но боль никуда не делась — она отдавала в челюсть с каждым ударом пульса

Я зачесала волосы на одну сторону, хотя бы чуть-чуть прикрыв покрасневшую щеку. На улице уже сгустились осенние вязкие сумерки. В воздухе висела зябкая морось, в лужах растекались огни фонарей.

Взгляд наткнулся на огромную витрину аптеки, подсвеченную изнутри. Так сверкали селективные кристаллы. Какие-то из них нужны были, чтобы блокировать откат после избытка заклинаний и не лежать сутки с дикой головной болью. Еще один вариант, который позволял аристократкам носить новые лица, а ветеранам — чужие конечности. Это тот самый, который был нужен Миранде, чтобы ее тело перестало убивать само себя. Я стиснула зубы — челюсть тут же отозвалась болью, которая заглушила даже бой башенных часов.

Проклятье! До смены полчаса. Я не просто опаздывала, я катастрофически не успевала. Но и оставить Миранду всю ночь кричать от боли было нельзя.

У меня был один-единственный вариант, еще хуже, чем обращение к отцу. Хотя, судя по всему, хуже уже некуда. Он был просто незаконным.

Я потащила Лейн прочь от богатых кварталов, туда, где мощеные улицы сменялись разбитой брусчаткой и утопанной грязью. Моя подруга, Нелли, жила в трех кварталах от нас и в двадцати минутах от больницы. Чисто теоретически я успевала тютелька в тютельку, но сейчас нам надо было ускориться.

Мы бежали, петляя между обшарпанными доходными домами, пока не добрались до нужного — покосившегося строения с облупившейся штукатуркой.

— Нелли! — Я забарабанила в дверь на первом этаже так сильно, что едва не отбила кулак. — Это я, Эйра.

Подруга открыла не сразу, вышла за порог и сразу прикрыла за собой дверь.

— Нелли, я согласна, — тут же выпалила я. — Завтра выйду за тебя, только... Только деньги нужны мне сегодня.

Она прищурила глаза, оглянулась, как будто кто-то мог подслушать.

— Хорошо. — Нелли запустила в карман руку и достала оттуда пять медяков. — Только помнишь, да? Никто не должен знать. Идите, а то отец сегодня не в духе...

В мою руку перекочевали монеты и тонкая пластина индивидуального пропуска, личного пропуска Нелли, который она не имела права передавать посторонним.

Я сжала в ладони монеты, как самую большую драгоценность, убрала пропуск в карман и кивнула. Прежде чем снова скрыться за дверью, подруга оглянулась, бросив нам с Лейн вслед:

— Только не опаздывай! А то проблем не оберешься.

Дверь захлопнулась, а я подумала, что с опозданиями всегда проблем много. Мы отошли с сестрой чуть в сторону, и я переложила монеты ей в руку.

— Что покупать, ты знаешь. Если дядька Стривс уже за-

крылся, постучи погромче, надави на жалость... Он добрый, должен продать. А потом...

— Да знаю я, — фыркнула Лейн. — Срочно домой, нигде не задерживаться, мама будет волноваться... Да маме вообще все равно, даже если я всю ночь буду...

— Перестань, — перебила я ее. — Ты знаешь, как ей тяжело.

Сестра закатила глаза, но продолжать не стала. Я обняла ее на прощание, и мы разбежались в разные стороны.

Дворами, не останавливаясь, едва не выплевывая легкие — так что даже боль в челюсти отступила на второй план, — я добежала до больницы, проскользнула внутрь через запасной выход уже после боя часов. Опоздала. И все бы было ничего, если бы по всему этажу не раздавался громогласный крик инспектора:

— Эйра, где ты, лентяйка! Дрыхнешь, что ли?

И этот крик ничего хорошего не предвещал, я нутром чувствовала. Понадеявшись незаметно проскользнуть в сестринскую, я резко завернула за угол и со всего маха вцепилась в каменную стену.

В мужчину.

3.

— Куда несешься?!

Он подхватил меня за плечи — жестко и больно. Встряхнул, ставя вертикально, и тут же отпустил, будто я была разной.

Чтобы посмотреть на него, пришлось запрокинуть голову: моя макушка едва доставала ему до плеча. Серебристые пряди в черных волосах контрастировали с молодым лицом. Резко вылепленные скулы, бледная кожа, под глазами залегли тени — похоже, ему, как и мне, сегодня не удалось отдохнуть.

Темно-синий мундир с серебряным шитьем и серебряными же пуговицами в виде змеиных голов — символа целителей. Какая-то важная шишка из академии? Чего его принесло сюда, в заштатную больницу?

Серо-стальной взгляд смерил меня с ног до головы. Под этим тяжелым, сканирующим взглядом я разом вспомнила и сбившиеся под косынкой волосы, и синяк под повязкой, и покрасневшие от недосыпа глаза.

Четко очерченные губы искривились в жесткой усмешке.

— Вы первая за многие годы, кто решил лично проверить мою реакцию.

Запах камфары и полыни — запах эликсира бодрости — коснулся моего лица.

— Простите, ваша милость.

Его глаза остановились на моем синяке. Я залилась краской. Взгляд словно приклеился к тонкому белому рубцу на ключице, поверх которого в ворот рубахи уходила золотая цепочка.

— Эйра, бестолочь! — рявкнул инспектор. Его круглое лицо побагровело, так что прожилки сосудов, испещряющие щеки, стали незаметны. — Быстро оделась и в операционную, готовь стол и инструменты! И обращайся к его превосходительству как подобает!

Что-то в самом деле случилось — обычно мои ночные дежурства ограничивались раздачей зелий и уходом за тяжелобольными. Операция на ночь глядя?

— Как прикажете, ваша милость. — Я трусцой понеслась в сестринскую переодеваться.

— Простите, ваше превосходительство, — услышала я за спиной. — Эйра — толковая девочка, не знаю, что на нее нашло сегодня.

Никогда не слышала такого подобоострастия в голосе инспектора.

— Для вас обоих будет лучше, если вы не ошибаетесь. — Низкий вибрирующий голос пробежался по нервам, и я поежилась. Так говорят те, кто привык, что их приказы исполняют немедленно. — Впрочем, насколько я понимаю, других все равно нет?

Что ответил инспектор, я не расслышала. А вскоре и во-

все выкинула из головы все лишние вещи, разбирая стандартную укладку и выкладывая в нужном порядке инструменты. Скальпели, зажимы, иглодержатели ложились на побуревшую от многократных стерилизаций пеленку ровными рядами. Иглы. Шовный материал. Салфетки.

Я едва успела закончить, когда в операционную вкатили носилки. Запрокинутое лицо молодого человека цветом сравнялось с укрывающей его простыней, пятна крови на ней казались еще ярче на контрасте с этой мертвенной бледностью. Простыня лежала странно — как будто кроме тела под ней было что-то еще. Край сдвинулся, обнажив окровавленный ребристый прут. Я сглотнула — ржавый металл уходил прямо в тело. Нет, если судить по количеству крови на пруте — выходил из тела.

Задуматься о том, как парня угораздило, я не успела — в операционную торопливо вошел инспектор, завозился в шкафчике с зельями. Шея инспектора между краем белого колпака и белого же воротника операционного сюртука выглядела нездорово багровой. Кончики волос слиплись в сосульки от пота, стекающего по шее. В другое время я бы спросила, хорошо ли он себя чувствует — но не успела я открыть рот, как в распахнутую дверь резкими широкими шагами влетел тот, с ледяным взглядом. Форменный мундир академии военных целителей сменился на операционный сюртук, кожаный фартук покрывали намертво въевшиеся следы крови. Волосы скрылись под косынкой, лицо под

маской. Но взгляд не узнать было невозможно.

— Все готово, ваше превосходительство. — Инспектор поставил на столик последний флакон с зельем.

Его превосходительство подхватил один, отточенным движением разжал челюсти лежащему, влил в них эликсир забвения. Маска меняет выражение лица, но я почему-то очень живо его представила — с таким видом моя соседка вливала в пасть своему коту зелье от глистов. Небрежно заметил:

— Пьяная удаль молодого дурака — и вот два почтенных целителя и юная сестра вынуждены возиться с ним посреди ночи вместо того, чтобы провести ее в горизонтальном положении.

Щеки вспыхнули так, что казалось, сейчас осветят операционную сильнее бестеневых ламп. Превосходительство усмехнулся.

— Я имел в виду здоровый сон. Не отвлекайтесь на ерунду, сестра.

Инспектор захихикал, но подбострастный смешок сменился полувздохом-полувсхлипом, когда превосходительство убрал простыню.

4.

Я и сама на миг разучилась дышать. Желудок завязался в узел — я видела травмы, но не такие.

Прут проходил через все тело несчастного от паха до надключичной ямки.

— Высока вероятность, что лорду-председателю придется забыть о внуках, которые продолжают его род, — заметил превосходительство, приподнимая колено пострадавшего так, чтобы разглядеть поврежденную область.

— Это неприемлемо! — Багровые щеки инспектора приобрели нездоровый синеватый оттенок.

— Почему же? — Превосходительство оглянулся на меня. — Ты! Эйра, верно? Быстро сюда подпорки для рожениц!

Я метнулась в предоперационную за требуемым, прихватив заодно мертвый эликсир — тот, что уничтожает любые миазмы, способные вызвать нагноение после операции.

— Хотя некоторым лордам и сложно смириться с этим, все же пресекавшийся род — совершенно естественный ход вещей. Такие идиоты, как Фростгард, плодят нищету ради одного стояка, тьфу, наследника.

Я вздрогнула. Он оглянулся на меня.

— Чего застыла?!

Я стиснула зубы, надеясь, что он не заметил моей реакции. Хорошо, что под маской не видно выражения лица. Пристро-

ила подпорки как надо.

— Ноги раздвинь, — рывкнул превосходительство.

Я ошалело глянула на него, прежде чем сообразить. Подхватила пострадавшего под колено, закидывая его ногу на подпорку. Вторую тем временем пристроил на подпорку превосходительство.

Поза получилась унижительной и страшной, открывая место входа прута, она позволяла разглядеть то, что мне до сих пор видеть не приходилось. Нет, не мужской орган. А то, во что превратился пах после того, как в него вошел металлический прут. Натянутая кожа, сине-черная гематома. Я сглотнула вязкую слюну и глубоко вздохнула, пытаюсь справиться с головокружением.

Страшно подумать, во что превратились внутренние органы.

— Хватит пялиться, сестра, это не музейный экспонат, а ты не барышня на своем первом балу.

Голос превосходительства, только что бывший глубоким и ленивым, хлестнул по нервам так, что я подпрыгнула. Опомнившись, плеснула на перчатки мертвым эликсиром. Вопросительно посмотрела на превосходительство, протягивая ему флакон.

— Мои из паутины, чар хватает на месяц, — покачал головой тот.

Я мысленно присвистнула. У отца были подобные перчатки — даром что ему, специалисту по магическим эпидеми-

ям, оперировать не приходилось никогда — и он хранил их в сейфе рядом с артефактом, считавшимся семейной реликвией. Кто же этот тип, который пользуется редкими и очень дорогими вещам так небрежно, будто они совершенно ничего не стоят?

— И все же мы должны сохранить способность к продолжению... — начал было палатный инспектор, но превосходительство перебил его так же резко, как и меня:

— Мы должны сделать все, что в наших силах, и мы это сделаем. Остальное в руках божьих. Приступим. Придется вскрывать грудную клетку, нужно обеспечить... — Он осекся и бросил на меня беглый взгляд. — Прошу прощения, привык объяснять студентам.

Жаль, я бы послушала. Может, это отвлекло бы от боли в челюсти.

— Но он задохнется! — взвыл инспектор.

— Нет, — отрезал превосходительство, и инспектор заткнулся.

На какое-то время в операционной наступила тишина, прерываемая лишь командами превосходительства и глухим стуком возвращающихся на столик инструментов. По лицу инспектора градом катился пот — я едва успевала промокать его.

Превосходительство работал, будто в самом деле показывал студентам-будущим целителям рутинную операцию. Может, когда-нибудь и мне доведется попристутствовать на

подобном занятии. Я вдруг обнаружила, что заворуженно слежу за длинными тонкими пальцами в окровавленных перчатках, облегающих будто вторая кожа. За нечеловечески точными движениями.

— Подхватываю дыхание, — сообщил превосходительство. — Раскрывайте грудную клетку, я зафиксирую.

К сплетениям магии вокруг пациента добавилось еще несколько сияющих нитей. Инспектор с видимым усилием развел в стороны две части разрезанной по центру грудины.

Прямо в глаза ему плеснула струя крови.

Инспектор захрипел и начал заваливаться. Руки его намертво вцепились в крючки, потянув за собой кость, разламывая грудную клетку.

Время будто остановилось на миг.

Сама не знаю, как я оказалась рядом с инспектором. Как сумела удержать тушу раза в два тяжелее меня.

Превосходительство коротко выругался. Разжал пальцы инспектора.

— Его — в сторону. Порцию сумеречной эссенции.

— Пациенту? — переспросила я. Голос дрожал, норовя сорваться.

— Коллеге. — А вот превосходительство, если не считать вырвавшегося поначалу ругательства, будто вовсе не беспокоился. — Закончим одно, займусь им. В больнице есть еще целители?

— Дежурный всегда только один.

— Значит, будешь ассистировать.

5.

По хребту пробежал холод. Все, что мне позволялось до сих пор — подавать инструменты. А что, если я не справлюсь?

— Шевелись!

Низкий рык заставил меня действовать быстрее мысли. Я подхватила инспектора под мышки — тяжеленный, зараза! Рывком — будто тащила мешок с мокрым песком, дернула по полу. Еще раз. Ноги в бахилах скользили, и я чудом не навернулась сама. Едва не выронила флакон с сумеречной эссенцией — руки дрожали. Влила в безвольно раскрытый рот. Вот так. Стазис. Теперь — что бы ни случилось с инспектором — он не умрет, пока не закончится действие зелья.

— Сюда, быстро! — подхлестнул меня крик. — Крючки! Держи!

Мои руки, маленькие по сравнению с медвежьими лапами инспектора, перехватили рукоятки ранорасширителя.

— Тяни в стороны! Равномерно!

Я потянула, стараясь не думать, что под раскрытыми ребрами легкие спались в бесполезные мешочки. Металл скользил в окровавленных перчатках. Мышцы взвыли от напряжения.

Превосходительство сотворил... что-то. Спавшиеся легкие судорожно дернулись и надулись.

«Вакуум», — поняла я.

Тот самый вакуум, который расправляет легкие вслед за грудной клеткой, чтобы воздух мог в них поступать. Он создал герметичный купол прямо над вскрытой грудью, имитируя работу плевры. Малейшая ошибка — и нежная ткань альвеол разлетится в клочья, как передутый воздушный шар.

— Держи.

— Держу, — выдохнула я.

Превосходительство задержал руку над мелькнувшим рядом с легким металлом. Прут проходил в опасной близости от средостения, чудом — воистину боги берегут пьяных идиотов! — не задев сердце и крупные сосуды.

Сухо затрещал воздух. Запахло озоном. С пальцев превосходительства сорвались микроскопические лезвия сгущенного воздуха. Он резал металл. Прямо внутри грудной клетки. И металлические опилки тут же испарялись, не касаясь плоти.

Почему здесь нет никого, кто мог бы мне объяснить? Хоть что-то! Потому что или я полная дура, или этот тип орудовал внутри пациента — живого пациента! — боевой магией.

Не забывая ритмично сжимать и расправлять легкие.

Твою ж...

Он потянул за отрезок металла, вытаскивая его из груди.

— Сращиваем.

Легкие снова опали. Лицо парня посерело — но ткани срастались, розовая. Вот исчезла дыра в диафрагме.

— Своди ребра. Медленно!

Я начала ослаблять крючки. Руки дрожали от перенапряжения. Медленно... Еще медленнее...

Края распиленной грудины сошлись.

Превосходительство провел по кости пальцем, как клеем намазал. Свечение — и кость срослась.

Кожа затянулась следом.

— Давай дыши, сволочь!

Пациент вздохнул. Еще и еще. Землистый цвет лица сменился обычной бледностью. Превосходительство кивнул сам себе.

— А теперь самое грязное. Брюшная полость и таз.

Стоило ему рассечь ткани, как в стерильный запах озона и крови ворвался другой — тяжелый, тошнотворный дух поврежденного кишечника. Меня замутило. Надеюсь, этого не было видно со стороны.

— Тяни прут. Я держу сосуды. И крючки.

Я ухватилась за торчащий из паха конец железяки. Потянула — перчатка соскользнула по крови.

— Крепче держи! Тяни!

Металл вышел из тела. В брюшную полость тут же хлынула темная жижа — кровь, перемешанная с содержимым кишок.

— Ревизия, — приказал превосходительство. — Давай.

— Я не маг.

Вообще-то маг, но я еще в своем уме. Не девчонке, за-

валившей вступительные экзамены, лезть с магией в брюхо сына лорда-протектора.

Превосходительство усмехнулся.

— Ручками. Придется их замарать. Не тратить же мне магию на поиск дырок в дерьме.

— Поняла.

Грязная, нудная, но такая необходимая работа. Сантиметр за сантиметром перебирать кишки, отыскивая места, где их порвал прут. Петли скользили, пульсировали в пальцах.

— Сокращаются, — заметил превосходительство. — Хорошо.

— Это? — Я приподняла участок с зияющей раной.

— Да.

Короткая вспышка магии — ткани срослись.

— Дальше.

Сантиметр за сантиметром. Петля за петлей. Я находила разрыв, он сращивал. И чувствовала себя я вовсе не спасительницей жизни, а мясником на конвейере.

— Теперь отмывай, — приказал он.

Я подхватила кувшин с дезинфектантом. Вылить прямо в брюшную полость. Собрать салфетками. Повторить. Еще и еще.

— Хватит. Мертвый эликсир.

Широким жестом он выплеснул флакон на петли кишечника, убирая остатки инфекции.

— Сращиваем.

Белая линия живота стянулась, оставив на коже розовую полосу. Образуется шрам, но в сравнении с тем, что могло быть, — ерунда.

Превосходительство склонился над тем, что осталось от мужской гордости золотого мальчика.

— Везучий сукин сын. Только оболочка яичка задета.

Скрутилась магия. Чернота начала уходить, как и отек.

— Лорду-протектору передадут, что фамильные драгоценности спасены. Хотя я бы на месте природы подумал дважды, прежде чем позволять этому идиоту размножаться.

Он выпрямился. Я подпрыгнула от могучего рыка.

— Санитары!

Дверь распахнулась. Влетели двое санитаров с заспанными лицами.

— В палату. Наблюдать. Если через час не очнется — звать дежурного.

— Какого дежурного? — робко поинтересовался один.

6.

Превосходительство прикрыл глаза, как человек, который едва сдерживается, чтобы не взорваться. Глянул на все еще лежащего у стены палатного инспектора.

— Значит, позовете меня!

Я прислонилась к опустевшему столу. Адреналин уходил, оставляя свинцовую тяжесть на плечах и дрожь в коленях. Ничего. Разобрать и вымыть инструменты, засунуть в дезинфектант, чтобы утренняя смена отправила их в автоклав. И все.

Как бы не так.

— Не спи, замерзнешь!

Его превосходительство подошел к стене, посмотрел сверху вниз на инспектора.

— Ну что, спящий красавец, твоя очередь.

Я дернулась было помочь — вдвоем мы бы его кое-как заволокли...

Но превосходительство не стал ждать моей помощи. Наклонился и рывком ухватил тучное тело за ворот халата и пояс брюк.

Я только рот открыла.

Без видимого усилия, без единого звука, он вздернул грузную тушу в воздух и швырнул на операционный стол, будто это был мешок с соломой, а не взрослый мужчина. Стол жа-

лобно скрипнул.

Превосходительство брезгливо отряхнул ладони и повернул ко мне голову. Глаза его оставались холодными, но теперь в них плескалось еще и раздражение от затянувшейся ночи.

— Ну что застыла? У нас еще один пациент.

Превосходительство стянул перчатку с правой руки и приложил ладонь ко лбу начальника.

— Инсульт, — констатировал он равнодушно, словно объявлял погоду. — Ишемический.

Никаких скальпелей. Никаких разрезов.

Он просто закрыл глаза на секунду.

Короткий, едва уловимый магический импульс прошел от его пальцев в черепную коробку пациента.

Я знала теорию: он только что нашел крошечный сгусток крови в лабиринте сосудов мозга и расщепил его, не повредив стенки артерии. Ювелирная работа.

Инспектор дернулся и глубоко, хрипло вздохнул. Синюшность начала сходить с его лица, сменяясь привычным нездоровым багрянцем.

— Кровоток восстановлен. Жить будет. — Превосходительство направился к раковине. — К несчастью для подчиненных.

Он включил воду, смывая кровь с рук.

— Знаешь, что самое смешное?

— Простите, это вы мне?

Он хмыкнул.

— Ну не стенке же.

— Не знаю, ваше превосходительство.

— Тупость и паника спасают порой вернее, чем расчет.

Дружки этого идиота так перепугались, что приволокли его сюда вместо того, чтобы везти в клинику академии. Но если бы они потратили лишние полчаса на дорогу, он умер бы в карете от внутреннего кровотечения.

— Мне кажется, это не...

— Не тупостью было бы не позволить пьяному идиоту лезть на стройку, преследуя девку, которая ему не дала. А они возомнили себя охотниками.

Я промолчала. Да и что тут скажешь.

— Лорд Вейн будет счастлив, — вдруг произнес превосходительство, глядя на мое отражение в зеркале над раковиной. — Его род продолжится. Ирония судьбы: у Вейна один сын-идиот, которого он бережет как зеницу ока, а тот лезет на рожон. А взять, к примеру, лорда Фростгарда...

Я замерла с окровавленным зажимом в руках.

— Шесть девок, — усмехнулся превосходительство. — И он все еще не теряет надежды зачать наследника, меняя жен как перчатки. Хотя любому целителю ясно — проблема в его семени, а не в женщинах. Но мужская гордыня — страшная вещь. Что у лорда, что у этого идиота, не вынесшего, что первая встречная не раздвинула перед ним ноги. Люди губят жизни ради призрачных фантазий.

Я сглотнула, радуясь, что маска скрывает лицо. Если бы он знал, что одна из этих «девок», выброшенная за ненадобностью как бракованный материал, стоит сейчас за его спиной...

Превосходительство выпрямился. Скользнул по мне взглядом, будто по мебели, и замер.

Я подтянула маску повыше, но было поздно. Он шагнул ко мне.

В холодном свете ламп отек, выползающий из-под маски на левую скулу, наверное, выглядел живописно.

Превосходительство наклонил голову, рассматривая сияк с ледяным клиническим интересом.

— Кто-то не сильно стеснялся, срывая злость. Муж?

— У меня нет мужа, ваше превосходительство.

— Любовник или отец?

В голосе звучало лишь отстраненное любопытство — ни жалости, ни сочувствия.

Я молчала, глядя в пол. Щеки жгло. Меньше всего я хотела, чтобы этот лощеный аристократ лез в мою жизнь.

Он фыркнул.

— Ну молчи. А нервы у тебя что надо. И руки хорошие, не дрожали. Может, и будет толк.

Он направился к двери. Уже придерживая створку, оглянулся.

— Лед приложи. Красоту не поправит, но работать будет легче.

Дверь захлопнулась.

Я стиснула зубы. Он мог бы вылечить меня магией.

Сволочь.

Умная, невероятная, безжалостная сволочь.

Не приведи боги встретиться с ним снова.

А ведь могу и встретиться — если все же поступлю в академию.

7. Альтер Рейвен

Я остановился на крыльце больницы, к которой этот идиот, родившийся с золотой ложкой во рту, и на километр не подошел бы. Облупленные стены, перекошенные кое-где рамы и деревянное скрипучее крыльцо. В нормальных условиях пажоны вроде молодого Вейна такие места даже взглядом не удостоят.

Не удивлюсь, если уже завтра тут появится лорд Вейн и вместо искренней благодарности обложит работников претензиями и штрафами. Формально — за разводы плесени на стенах ординаторской: раствор из старой кладки давно крошился, и малейший дождь оставлял сырые потеки внутри. Де-факто — за то, что его наследника недостаточно старательно целовали в зад.

Впрочем, какая мне разница? Меня вытащили сюда приказом, нарушив все планы.

Я вдохнул холодный осенний воздух, пропитанный сыростью и запахом опавшей листвы — запахом смерти. С усилием потер виски. Всегда ненавидел эликсир бодрости: как только действие заканчивается, голову начинает сдавливать тисками. И ничего не сделаешь, пока эта дрянь не выведется из организма. Только перебить чем-то покрепче. И это сейчас казалось идеальным выходом. Хотя мне ли не знать, чем это наверняка обернется для меня?

Мне пришлось проторчать в этой дыре еще несколько часов. Пока дождался сменного дежурного врача, пока убедился, что щенок Вейна благополучно пережил первые часы после операции... Ночь перевалила за половину и неотвратимо катилась к рассвету.

Можно было бы пойти домой, но спать мне оставалось чуть больше четырех часов, поэтому я отыскал ночной экипаж и отправился напрямик в академию.

Мой кабинет там давно стал моим вторым домом: здесь было так же тихо, но не чувствовалось одиночества, навсегда поселившегося в пустой спальне особняка.

Одиночества, которому я давал волю только одну ночь в году, позволяя себе быть слабым. И меня лишили этой ночи!

Поэтому сейчас меня раздражало все: от фантомного запаха крови и паленой плоти в носу до этой упертой медсестры, которая слишком походила на...

Я рывком открыл дверь кабинета. В нос ударил привычный запах бумаги и кожи кресла. Включил магический светильник на минимальную мощность. Китель улетел на кресло, неважно, что помнется. Щелчком пальцев я разжег камин, открыл дверцу бара и плеснул янтарную жидкость в стакан.

Не на два пальца, как полагалось бы. До краев.

Такая глупость — пытаться заглушить душевную боль, а потом расплачиваться физической, но сейчас мне было плевать. Я дико устал. Боль, поселившаяся в груди и, казалось,

притупленная временем, снова резала по живому, и даже злость не могла ее заглушить. Кристально чистая злость из-за нарушенных планов.

Какого демона этого идиота угораздило насадиться на прут именно в ту ночь, когда я старался забыть даже о том, кто я?

Смогу ли я когда-нибудь забыть?

Я тяжело опустился в кресло и уставился на огонь в камине. Только видел я не тепло и уют. Перед глазами бушевало пламя. Неестественное, багрово-черное. Магический пал, в котором горела деревня с живыми людьми.

Вместе с моей женой.

Вита свято верила, что дар целителя — это не привилегия, а долг.

«Мы должны попытаться, Рей» — до сих пор в ушах ее голос.

Вита верила, что нашла формулу, которая сможет остановить мор.

Слишком талантливая. Слишком смелая.

Она попыталась.

Я сделал большой глоток. Жидкость обожгла горло, как тогда — раскаленный воздух.

Короткий, четкий приказ офицера службы магической санитарии. Сухой, равнодушный голос.

«Крайние противоэпидемические меры. Протокол „Пепел“».

«Дайте мне час! — орал я в кристалл связи, срывая голос. — Я вытащу ее!»

Фростгард, герой, остановивший эпидемию. Его карьера построена на пепле сожженных деревень, костях моей жены и еще множества людей, которые погибли просто из-за того, что хотели помочь. Но кто об этом вспоминает, глядя на его ордена?

Стекло хрустнуло в пальцах. Злость растекалась по венам, память восстанавливала все больше фрагментов нашей жизни.

Вита была слишком сильной, невыносимо упрямой и была намерена все доводить до конца.

Именно такие и погибают первыми. Мир перемалывает их. Превращает их альтруизм и смелость в костную муку, которой удобряет поля новых битв.

Женщина в военной медицине? Инородное тело. Которое нужно вырезать, чтобы функционировала система.

Мысли против воли вернулись к девчонке из операционной. Она меня взбесила. Тем, как стойко держалась, как старательно, где-то на грани своих возможностей, выполняла указания. Тем, насколько походила на Виту — таким же огнем желания помочь и ослиным упрямством.

Меня раздражало, что в какой-то нищей медсестре из заштатной больницы стержень крепче, чем у большинства моих аристократичных студентов. Из нее мог бы выйти толк, мне было бы по-настоящему интересно ее обучать. Но...

Нет.

Женщинам в военной медицине не место. И пока я ректор, их там не будет. Пусть

ненавидят меня за отчисление, выходят замуж и рожают детей. А не умирают героями.

Я налил второй бокал. Выпил залпом. На несколько мгновений прикрыл глаза. В памяти слишком четко всплыло сосредоточенное лицо Эйры с расплывающимся синяком.

Гордая дура. Попросила бы о помощи — убрал бы отек и боль за секунду. Но она предпочла терпеть.

Что ж, пусть терпит. Боль — хороший учитель.

К демонам.

За окном чернильная синь неба сменялась разведенной серостью осенних туч. Нужно бы подремать хоть немного, но в голове теснилось много мыслей, злость не давала успокоиться, а от рубахи до сих пор пахло чужой кровью, антисептиками и плесенью.

Я достал из шкафа полотенце и пошел в душевую в смежной комнате. Пустил ледяную воду.

Легче стало с первыми же каплями. Я замер под струями, упершись лбом в холодный кафель, стараясь собраться с мыслями, когда снаружи, из моего кабинета, донесся какой-то звук.

8. Эйра Фростгард

Дверь сестринской захлопнулась. Я прислонилась к ней спиной и прикрыла глаза. Вот так бы и осталась тут на вечность. Или две. Ноги гудели, голова раскалывалась, в глаза будто песок насыпали.

Операция закончилась, но обычные обязанности ночной медсестры, она же санитарка, никто не отменял. Пока палатный инспектор лежал в полубеспамятстве-полусне, приходя в себя после операции, пока его превосходительство отдыхал в ординаторской, я разносила зелья, которые нужно было раздать в самом начале моей смены, — и извинялась за нерасторопность. Расфасовывала те, что разнесут утром, меняла судна, мыла полы. Успокаивала старуху Грету, которой мерещились демоны в вентиляции.

Я бормотала что-то ласковое, не слушая сама себя. Смотрела на ее трясущийся подбородок, вытаращенные от страха глаза и вспоминала, как невестка Греты совала палатному инспектору невесть какими путями добытое серебро. «Ваша милость, смилосердуйте. Хоть на пару дней. Иначе я в петлю полезу. Она орет, дети пугаются и рыдают...»

Я не могла винить эту женщину. Жить в каморке полуподвала с тремя детьми и выжившей из ума свекровью — ад, который не вынесет никто. Неделью старая Грета пробудет у нас, ее невестка переведет дух и, может, даже выпится. А

то, что мы, сестры, будем ловить демонов вместе с пациенткой... Кого это волнует? Уж точно не палатного инспектора.

Я сползла по двери на пол, опустила голову на руки. Глаза слипались, но я не боялась, что вырублюсь прямо здесь. Нервы звенели перетянутыми струнами, и я чувствовала себя ребенком, который перебесился и, не в состоянии заснуть, мучает себя и мать. Тысячу раз я видела такое у своих младших сестер — но тогда с ними справлялись няньки.

Мне сейчас нянька не полагалась.

Усталость мешалась со странным, пьянящим послевкусием. Я ассистировала на операции. Не просто подавала инструменты, а ассистировала. Магу. Настоящему. «Превосходительство» — генерал или какая-то важная шишка из академии. Надо как-нибудь потом узнать, кто это. Просто интереса ради.

Даже я, почти ничего не знающая, понимала — он был великолепен. И страшен. Не своей силой — мой отец тоже был сильным магом. Но этот...

Все было неправильно.

Боевые заклинания — это стихия, выпущенная на свободу, грубая мощь, способная сносить города. Поэтому боевики всегда смотрят на остальных, «мирных», сверху вниз, с высоты своего разрушительного величия.

Но любой грамотный целитель лишь скривится, если боевой маг начнет хвастаться резервом: сила есть — ума не надо. Приложение сил целителя — микроуровень. Там, где

жизнь держится на ионных каналах, молекулярных связях и тому подобных вещах, нужна ювелирная точность.

Применить боевую магию к человеческому телу — все равно что пытаться провести операцию на глазу секирой палача. Одно неловкое движение, один лишний квант энергии — и пациент мертв.

Но у превосходительства получалось.

Вакуум, который при малейшей ошибке заставил бы кровь вскипеть, а альвеолы — лопнуть в клочья, бережно, словно невидимыми ладонями, расправлял легкие, заставляя их дышать.

Разрушительный импульс, предназначенный крушить камень, распылил металл, не оставив на живой, пульсирующей рядом плоти даже ожога.

Это впечатляло до дрожи. До липкого, иррационального, животного ужаса.

«Хорошие руки», — сказал он.

Губы сами собой растянулись в глупой улыбке — и тут же левую скулу прострелило болью.

Кряхтя, я поднялась. Уперлась в стену ладонями по обе стороны от зеркала, уставилась в мутное стекло.

Мать моя женщина...

Фингал выглядел шедеврально. Веки-вареники, багрово-фиолетовая щека, вздувшаяся, будто за нее засунули кулак.

С таким украшением меня не пропустят в академию даль-

ше КПП. Уборщица должна выглядеть скромно и прилично, а не как после пьяной драки в борделе. И что мне делать?

Я зажмурилась, вспоминая строчки из учебников. ЦелиТЕЛЬ — не цирковой фокусник, который достает кролика из шляпы. Он работает с физиологическими процессами, а я почти ничего не знала. Лишь то, что сумела понять и запомнить из книг в отцовской библиотеке. Я накрыла синяк ладонью.

Холод — сжать расширенные сосуды. Ферменты — разрушить клетки уже вылившейся крови, превратив в «бульон», который будет проще вывести. Я зашипела сквозь зубы: на скулу будто плеснули кислотой, и одновременно она зачесалась, дико, так что хотелось соскрести кожу до костей.

И самое поганое — выгнать все это через лимфатические сосуды. Я вцепилась зубами в ладонь, чтобы не заорать на всю больницу. В кожу вонзились тысячи невидимых раскаленных иголок, под челюстью заныли лимфоузлы — то, что они должны были фильтровать неделю, я заставляла прогнать за пять минут.

Когда пелена перед глазами рассеялась, из зеркала на меня снова смотрела я. Серая от недосыпа и боли. Но я, а не жертва трактирной потасовки.

Взгляд упал на часы, отражавшиеся в зеркале поверх моей головы.

Я выплюнула ругательство и вылетела из сестринской.

Если я не вымою коридор и кабинет ректора до того, как

хозяин явится на работу, у Нелли будут проблемы. Огромные проблемы. И у меня тоже.

Я летела, перепрыгивая через лужи и выбоины в мостовой, рискуя переломать ноги, которые и так едва держали.

Ветер свистел в ушах, выбивал слезы из глаз, но я не оставалась.

В голове, как метроном, стучало: «Успеть. Успеть. Успеть».

Кажется, это стало девизом жизни нашей семьи в последнее время. Успела ли Лейн добежать до аптеки? Не напился ли Стривс к концу дня, как это за ним водилось, и не закрыл ли ее раньше времени?

Как там Миранда?

Я знала правду.

Слишком хорошо ее знала. Синяя настойка не лечит. Это кое-как очищенное растительное обезболивающее, смешанное с блокатором магии. Оно снимает боль, да. Может дать Миранде несколько спокойных ночей. Шанс переждать приступ. Организм не может бунтовать вечно — и рано или поздно магия устанет сжигать носителя. На какое-то время. Потом все начнется сначала, но это потом. И настойка давала возможность Миранде не сойти с ума от боли.

При этом встраиваясь в ее обмен веществ, становясь жизненно необходимой постоянно. Не для купирования приступа.

Я сама, собственными руками, дала Лейн деньги на сред-

ство, которое превратит нашу младшую сестру в безвольную рабыню снадобья.

Выбор между ужасным концом и ужасом без конца, но у меня не хватало решимости просто позволить Миранде умереть от болевого шока.

Я бежала, пока горящие легкие и колотье в боку не выбили из головы все мысли, кроме одной. Успеть.

Впереди сквозь ключья тумана проступили темные шпили.

Медицинская академия.

И ее сердце — факультет военных целителей.

Там, за высокими стенами и КПП, через час начнут зевать на лекциях первокурсники. Дети банкиров и лордов и единицы простых людей, сумевших пробиться на учебу по гранту.

Это место, где на занятиях по артефакторике выдают селективные кристаллы — точнее, заготовки под них. Расходник, который курсанты учатся настраивать под нужные чары. Криворукие новички выбрасывают в утиль десятки заготовок, прежде чем становятся относительно приличными артефакторами.

Но даже испорченные кристаллы сохраняют свойство впитывать магию.

И это могло бы спасти Миранду.

Однако мне не хватило баллов на экзамене, чтобы получить грант, а до следующей возможности оставался год. Год,

который Миранда должна была, обязана была протянуть — и я сделаю для этого все, что могу, и больше того.

9.

Я неслась по аллеям университетского парка, срезая углы по газонам. Вокруг неторопливо просыпалась академия. Зажигались окна в корпусах, кто-то уже лениво брел по дорожкам, грея ладони о кружки с кофе. Меня скрутило завистью.

Спокойные. Сытые. Сонные. Их самая большая проблема — отметка на зачете.

Дворник лениво возил метлой, сгребая с дорожек мокрые листья. Обернулся на мой топот, гадко усмехнулся.

Я знала эту ухмылку. Ухмылку скучающего ублюдка, который ищет, о кого бы почесать кулаки или эго. Жизнь в трущобах учит гасить такие порывы на подлете — «морда кирпичом», взгляд сквозь человека, и он сам пятится: «Эй, ты чего, я пошутил». Но сейчас я не выглядела опасной. Я выглядела загнанной, и дворник это почуял.

Когда я поравнялась с ним, под ноги мне вдруг метнулся ворох грязных прутьев.

«Шутка», мать его так.

Тело сработало само. Не замедлившись, я оттолкнулась, перелетая через метлу. Нога поехала, поскользнувшись на мокрых листьях, но инерция полета помогла удержать равновесие, и я помчалась дальше. Не тратя на ругань ни времени, ни дыхания — и того и другого оставалось в обрез.

— Ишь ты, кузнечик! — донеслось вслед.

Парк закончился. Передо мной выросла стена. Высокая, из темного камня, увенчанная кованой решеткой, по которой пробегали, вспыхивая, фиолетовые искры защитного контура.

Факультет военных целителей. Формально — лишь часть академии. На самом деле — отдельное государство со своими законами.

Здесь жестко муштровали «золотую молодежь» — потомков древних родов, чья кровь была достаточно сильна для боевой магии, а мозги достаточно гибки, чтобы освоить изошренные заклинания целителей. Казарменное положение. Жесткий распорядок, расписанный по секундам. Никаких поблажек — по крайней мере, так считалось.

Из-за этой стены выходили не просто целители с погонями.

Здесь была кузница новой аристократии. Элитный клуб, диплом которого открывал любые двери — от ставки Главнокомандующего до Совета Императора. Те, кто получал диплом и офицерский кортик, становились хребтом Империи: генералами, министрами, вершителями судеб. Теми, кто одной рукой может остановить сердце врага, а другой — вылечить союзника.

Я сглотнула горький ком в горле. Я должна была учиться там. По праву крови, по силе дара. Доказать, что я не просто одна из шести ненужных девок, а та, с кем придется считать-

ся. Как считался бы отец с наследником, которого так и не сумел зачать.

Я находилась бы здесь по праву. А мне приходится пробираться с чужим пропуском, рискуя оказаться за решеткой, если подмену обнаружат.

Я несколько раз глубоко вздохнула, восстанавливая дыхание, шагнула за дверь и приложила к датчику пропуск Нелли. Индикатор мигнул зеленым, турникет щелкнул, прово-
рачиваясь.

— Проходи, — буркнул из будки охранник, не поднимая глаз от какого-то чтива.

Для системы безопасности я сейчас была своей — носительницей метки на пропуске. Для охранника — пустым местом, безликим винтиком obsługi, подтирающей грязь за благородными господами. Иногда очень удобно быть никем.

Прямые, как полет стрелы, дорожки. Корпуса из серого камня. Кадетов пока не было видно, но тут и там по дорожкам спешили люди в простой рабочей одежде. Обслуживающий персонал.

Я знала, куда идти: административный корпус. Башня, оставшаяся еще со времен основания академии. Нужно обойти ее. Найти служебный вход. Узкая винтовая лестница, на которой у меня снова сбилось дыхание. Второй этаж — каморка с инвентарем и краном для воды. Третий — логово ректора.

Я схватила ведро и тряпку. По словам Нелли, ректор не

признавал швабру и требовал мыть исключительно руками. «Чтобы черни жизнь медом не казалась», — мрачно подумала я, взлетая на третий этаж.

На стенах небольшого холла перед приемной висели портреты знаменитых выпускников. Тяжелые золоченые рамы, потемневший от времени лак. То ли картинная галерея, то ли иллюстрированный справочник по истории. Со стен на меня смотрели канцлеры, писавшие законы кровью. Военачальники, перекроившие политическую карту материка. Маги, чьи-ми именами названы заклинания в учебниках.

Лучшие из лучших. Под пустыми взглядами нарисованных важных шишек я почувствовала себя ничтожеством. Испорченной заготовкой для драгоценного артефакта, которую выкинули в утиль за ненужностью.

Я ткнула кукишем в морду ближайшего портрета и, вскинув голову, подошла к двери темного дуба, на которой висела золоченая табличка с надписью.

«Ректор Императорской академии

Доктор медицинских наук

Профессор Альтер Рейвен».

Еще одна легенда, мать его так.

Я приложила к замку пропуск. Щелчок. Приемная выглядела пустой и стерильной. Я прошла дальше, за дверь, где был кабинет ректора и его личная комната отдыха. Начать с них, пока хозяин не явился, все остальное и этаж — потом.

Кабинет выглядел воплощением порядка. Ни бумажки на

огромном столе, ни одной лишней детали. Отлично, здесь управлюсь быстро. Надеюсь, и личные покои такие же.

Из-за очередной двери в нос ударил резкий спиртово-дубленый запах. На столике напротив камина поблескивали осколки, по полировке растекалась лужа, еще пару секунд — и зальет светлый ковер. Кое-как брошенный на спинку кресла китель, в самом кресле — ком одежды и белья.

Я скривилась. Вот оно, истинное лицо педанта ректора, который отчитывал Нелли за пылинку на полировке. Пьянчуга и свинья.

За стеной еле слышно шуршал душ. Неужели хозяин здесь? Видимо, ночь у него удалась на славу. Придется работать побыстрее.

«И упаси боги передвинуть что-нибудь из его личных вещей — живьем сожрет. Поднять, протереть пыль и поставить ровно так же, как было», — вспомнились мне жалобы подруги.

Ну-ну.

Ладно, что-что, а вылизывать до блеска я умела. Больница научила, что грязь — это зараза и никакое мертвое зелье не спасет там, где недостаточно чисто.

Я привела в порядок столик, вычистила ковер, смахнула пыль с поверхностей и начала мыть пол. Когда я переставляла ведро, металлическая ручка звякнула о край. В небольшом помещении этот простой житейский звук оказался слишком громким.

Шум воды за стеной изменился. Стих? Или перешел в другую тональность, как бывает, когда трубы вибрируют? Да какая мне разница?

Я наклонилась, продолжая надраивать паркет.

Краем глаза уловила движение. Тень. Огромную быструю тень, отделившуюся от стены.

10.

Рефлексы сработали быстрее разума. Я распрямилась пружиной, разворачиваясь, и с размаху хлестнула тряпкой.

Грязная, мокрая, тяжелая тряпка в морду остановит кого угодно. Но не в этот раз.

Он не замедлился. Не уклонился. Выставил предплечье, чтобы ткань обвилась вокруг него, словно плащ вокруг руки матадора, и рванул на себя. Так сильно, что я потеряла равновесие. Пальцы разжались. Мир крутанулся.

Он — кто бы это ни был — перехватил меня, превратив инерцию падения в полет к ближайшей стене. Затылок взорвался болью, из легких вышибло воздух ударом. Горло пережало и зафиксировало намертво.

Я инстинктивно вцепилась в мокрое, ледяное, твердое как камень предплечье, которое придавливало меня к стене. Выиграть хоть полглотка воздуха...

Который застрял у меня в груди, когда я разглядела черные волосы, прилипшие к высокому лбу. Резкие скулы, капли воды на коже.

Глаза.

Серо-стальные глаза, которые пару часов назад смотрели на меня поверх маски в операционной. Только теперь они были пустыми. Будто видели не меня, а сквозь пространство — неведомого врага.

— Кто послал? — рявкнул он мне в лицо.

Я попыталась ответить, но из горла вырвалось лишь жалкое сипение.

Безумный взгляд сфокусировался на моем лице. Через бесконечно долгий миг в нем проступило осознание.

Превосходительство отступил, брезгливо стряхнул с руки тряпку. Посмотрел на ведро, которое перелетел даже не заметив. На меня. На пол со следами влаги.

— Твою мать! — выдохнул он.

Я сползла по стене: колени не держали. Машинально потерла горло — воздух протискивался в него с трудом, хотя вроде бы ничего не болело. Подняла глаза.

Так, снизу, мужчина казался огромным. Широкие плечи, руки, перевитые жгутами мышц, рельефный торс. Шрамы. Длинный белесый рубец через грудь. Рваная метка ожога на боку, след от чего-то колющего на плече — не тело, а карта того, что пытались его убить.

Безуспешно.

Он провел рукой по волосам. На лице читалась досада, перемешанная со злостью. На меня? На самого себя?

И в этот момент единственный предмет его гардероба — полотенце на бедрах, находившееся прямо напротив моих глаз, — подчинилось законам физики.

Я не смогла зажмуриться, будто окаменела.

Перед внутренним взором сама собой всплыла картина из операционной — мертвенная бледность, гематома, отек...

Контраст ошеломлял. Сейчас передо мной было идеальное тело здорового, сильного мужчины. Мощные бедра. Жесткий, сухой живот. Полоска волос вниз от пупка и...

И все остальное.

«Не синее, — промелькнула в голове совершенно неуместная, безумная мысль. — Красивое».

Род Рейвенов явно не собирался прерываться. И хотя я знала, что анатомия в этом деле далеко не главное, зрелище завораживало.

Снова перестало хватать воздуха — в этот раз от ударившего в лицо жара. Тишина в кабинете оглушала. Я попыталась поднять взгляд, чтобы не пялиться так бесстыдно...

Поздно. В стальных глазах промелькнуло осознание того, куда и как я только что смотрела. Лицо исказило бешенство.

Он не стал дергаться. Не попытался прикрыться. Спокойно наклонился и подхватил полотенце. Только когда ткань снова обернулась вокруг бедер, я смогла вздохнуть.

Воздух ворвался в легкие, прояснил разум, и я поняла, что только что произошло.

Я замахнулась половой тряпкой на ректора. Я видела ректора голым. Я оценивала его как племенного жеребца.

Мне конец.

Как была, на заднице, я начала отползать к выходу. Наконец, совладав с подгибающимися коленями, подскочила, рванулась к двери — и снова едва не упала, когда жесткая рука ухватила меня за плечо.

— Куда?

— П... простите. — Вместо голоса из горла вырвалось неловкое сипение. — Я не...

Нужно бежать, пока он не вспомнил, что я напала на него. На генерала! Это... государственная измена!

— Куда собралась?

— Чтобы не мешать, — пискнула я.

— А пол кто домывать будет? Я? Ты пришла работать — работай.

Он говорил негромко. Спокойно. Но от этого спокойного голоса у меня ослабли ноги.

Я подхватила тряпку и склонилась над полом. Слух, обостренный страхом, ловил каждый звук. Шорох ткани. Звяканье пряжки ремня.

Он одевался. Хладнокровно, без суеты, будто я была табуреткой.

Взгляд словно приклеился к моим рукам, старательно отжимавшим тряпку.

«Хорошие руки», — сказал он.

Стальные глаза поверх маски. Те самые глаза, в которых пару минут назад не было ничего кроме смерти.

Важная шишка из академии. Да уж, важнее некуда.

Я держала крючки на операции самому Альтеру Рейвену. Самому молодому ректору за последнюю сотню лет. Выскочке из низов, сделавшему карьеру исключительно упорством и талантом. Кошмару всех студентов.

Из горла вырвалось нечто между всхлипом и хрюканьем. Я вцепилась зубами в рукав, давя смех, но плечи затряслись.

Я только что оценила — и одобрила — детородный орган ректора. Все это было настолько нелепо и чудовищно одновременно, что нервный смех рвался из горла и мне никак не удалось его заглушить.

— Понабрали слабоумных, — проворчал он.

А ведь я в самом деле слабоумная. Вместо того, чтобы ржать тут, нужно скорее домыть и перестать отсвечивать.

Ректор не спросил, где Нелли — наверное, потому, что все уборщицы, дворники и прочие подавальщицы для него на одно лицо. И я должна быстро закончить работу и смыться, оставшись одной из многих. Чтобы, когда Нелли снова выйдет на смену, он не задумался, почему ее не было только один день.

Я допятилась до порога и наконец распрямилась. От резкого движения закружилась голова, пришлось схватиться за косяк. Когда серая пелена перед глазами рассеялась, ректор стоял перед зеркалом, застегивая китель поверх белоснежной сорочки

Сейчас в нем не осталось ничего общего с тем яростным зверем, что вжимал меня в стену. Идеальный. Холодный. Недостигаемый.

И только ком грязной одежды в кресле напоминал о ночи в операционной.

Он развернулся. Выгреб из кресла барахло, завязал его в

полотенце.

— Возьми. — Узел полетел мне в лицо.

Я едва успела его поймать. От полотенца пахло влагой, полынью и эликсиром бодрости.

— Пойдешь вниз — закинешь в прачечную. Приемную можешь не мыть. Свободна.

11.

За спиной закрылась дверь приемной. Я прислонилась к стене коридора под портретом какого-то старикана в эполетах. Сердце колотилось в горле.

Между мной и ректором сейчас целая комната, но казалось, он все еще рядом. Как же мне так повезло вляпаться?!

Чем быстрее я отсюда уйду, тем меньше шансов еще раз пересечься с «его превосходительством», которого я видела...

Стоп. Тряпка, ведро и немытый пол коридора — вот что должно сейчас занимать мои мысли.

Я пристроила куль с вещами на верхнюю ступеньку лестницы. Вернулась и опустилась на колени. Прополоскать, отжать, протереть. Руки двигались механически, они знали эту работу куда лучше, чем моя память — правила этикета. Я драила паркет под строгими взглядами вершителей судеб, среди которых когда-нибудь появится и мой отец-спаситель. От этой мысли меня передернуло.

Не о том я думаю. Успеть в этот раз — убраться отсюда, пока генерал Рейвен случайно не догадался, что неловкая, почти полоумная уборщица и медсестра, которая ему ассистировала, — одно лицо. Лицо, нарушающее правила.

Не должен, конечно: синяк сделал свое дело, да и внезапная хрипота от шока помогла. Но проверять его зоркость и

догадливость не хотелось.

Я выжала тряпку в последний раз. Оглядела паркет. Древний, но до сих пор красивый и без единой щербинки. Хорошо, что сегодня не надо натирать его мастикой. Сухо, чисто, и блестит так, что любой проверяющий прослезится... От умиления.

Я выпрямилась, придерживая поясницу. Подхватила ведро, привычно загоняя боль на край сознания. Когда работаешь физически, с ума сойдешь обращать внимание на каждый стон в суставах. Проще сразу в гроб лечь.

В одной руке — куль с одеждой ректора, в другой — ведро. Я спустилась в каморку на втором этаже. Если бы не легкий запах сырости и старых тряпок, даже это подсобное помещение можно было показывать как образец больничным сестрам. Как и всю башню ректора.

Так почему в его личных покаях такое безобразие? Держит лицо на людях и расслабляется без посторонних? Устал после операции? Вряд ли, казалось, для него она была почти рядовой. Нужно ли мне это знать? Проблемы сильных мира сего все равно не понять.

Оставалось вылить грязную воду, ополоснуть ведро и повесить тряпку на крюк. Все. С уборкой покончено. Дальше самое сложное — найти прачечную и не попасться никому на глаза.

Я подхватила грязное белье и выскользнула из башни ректора на улицу. Солнце, хоть и невидимое за тучами, подня-

лось, туман рассеялся. Академия проснулась, ожила. На дорожках чеканили шаг студенты в одинаковой форме, только нашивки различались. Красные — хирургия, фиолетовый — токсикологи, желтые — мозгоправы (вот уж встречи с ними опасались даже матерые зубры — приятели отца). Зеленые — службы магической санитарии.

Я проводила взглядом колонну первокурсников в непростительно новенькой форме. Эти еще без нашивок. Без специализации.

Прозвенел колокол — сбор на завтрак.

Желудок скрутило, в глазах на миг потемнело. Когда я ела последний раз? Накануне в обед? Да и обедом это было сложно назвать.

Тем сильнее мне захотелось домой.

Покрепче перехватив узел с одеждой, я зашагала прочь от административного корпуса, стараясь держаться в тени. Нелли когда-то что-то упоминала про хозяйственный двор, но где именно там искать прачечную, я понятия не имела.

А спрашивать... у кого? У студентов? Персоналу не положено с ними разговаривать. У преподавателей — опасно.

Если подумать логически, хозяйственный двор должен быть где-то подальше от глаз студентов, чтобы не мешать учебе. Я огляделась, прикинула, где бы здесь могли быть задворки, и направилась в ту сторону.

Я так старательно вертела головой, пытаюсь найти хоть какой-нибудь указатель, что, свернув за угол учебного корпу-

са, со всего маху влетела в кого-то, выходящего из боковой двери.

Удар был такой силы, что я едва не плюхнулась задом в осенние листья и чудом не выронила драгоценный узел с вещами ректора.

— Ты что, ослепла, курица?!

Я подняла голову и встретила полный высокомерия взгляд.

Где-то я его видела?

Да какая разница! Может, сын кого-нибудь из приятелей отца, а может, на каком-нибудь детском празднике. Главное, что сейчас на нем безупречно отглаженная форма, а на мне — платье с обтрепанным подолом и многожды залатанные ботинки.

Он отряхнул рукав, скорчив брезгливую гримасу — будто не я его задела, а птичка нагадила. Светлые волосы, уложенные волосок к волоску. Холеное лицо. Один из тех, кто считает, будто мир создан исключительно для их удобства.

Останься я там, где должна была быть по праву рождения, — сейчас так же смотрела бы на прислугу?

— Прошу прощения, я спешила. — Я опустила глаза и попыталась боком проскользнуть мимо.

— Спешила она... — выплюнул блондин, перекрывая мне дорогу. — Под ноги надо смотреть. А то ведь можно и упасть, больно удариться... Синяк поставить на это милое

личико.

От неожиданности я подняла глаза. Синяк... Нашел чем напугать. Страшнее — стать игрушкой для вот таких засранцев.

Взгляд блондина прошелся по мне, оценивая. И за этим взглядом не было видно ни одной светлой мысли. К сожалению.

— А ты новенькая? — Он придвинулся, когда я снова попробовала его обойти. В голосе появились сальные нотки. — Раньше я тебя здесь не видел. Симпатичная.

Я заставила себя растянуть губы в жалкой улыбке. Неужели успел перезнакомиться со всеми уборщицами академии? Или только с молоденькими?

Стоп, а почему он не марширует с остальными? Воспользовался запасным выходом? Вряд ли его погладят по головке за то, что он прогуливает построение. А значит, едва ли он кому-то разболтает о новенькой.

— Первый день, господин.

— Первый день? — Он хмыкнул, бесцеремонно протягивая руку к моему подбородку. Я отступила, будто невзначай. — У тебя на удивление наглый взгляд.

Как же мне хотелось послать его хорошенько, и подальше! Но демонстрировать лексикон обитателей подворотен — спровоцировать конфликт. Нелли спасибо мне не скажет.

— Простите, я очень тороплюсь. Господин ректор велел отнести его вещи. Срочно, — перебила я, стараясь, чтобы

голос не выдал раздражения. — Вы не подскажите, где прачечная?

Упоминание Рейвена подействовало как ушат холодной воды. Студент поморщился, словно от зубной боли. Видимо, превосходительство и правда был кошмаром для местных.

— Ректор... — процедил блондин. — Ну раз ректор... Вон за тем корпусом видишь трубу? Оттуда пар валит. Не промахнешься.

— Спасибо, — пробормотала я.

Снова попыталась обойти его, но он снова заблокировал проход.

— А как освободишься, может, найдешь меня? — Он подмигнул, и это выглядело настолько похабно, что меня замутило. — Я, знаешь ли, тоже люблю чистоту. Может, и у меня в комнате приберешься? Плачу щедро.

— Много работы.

Мне наконец удалось его обойти. Я припустила бегом, жадно глотая холодный воздух и не желая оборачиваться.

Вслед донесся мерзкий смешок.

Хозяйственный двор встретил меня гулом магических котлов и запахом щелока. Нужная пристройка нашлась быстро — из широкой трубы действительно валил густой белый пар. Я сунула узел с вещами приемнице со словами: «От ректора» — и, пока у той не возникли ненужные вопросы, выскочила наружу.

Все. Только добежать до выхода, и домой.

Теперь я знала, куда идти, и намеренно выбрала обходной путь вдоль длинного кирпичного забора, подальше от лишних глаз. И в тени навеса наткнулась на них.

Контейнеры для сбора магических отходов. Учебных селективных кристаллов, даже самый слабый из которых мог стать хотя бы временным, но спасением для моей сестры.

Крышка одного из контейнеров была сдвинута. Я замерла. Ноги сами собой приросли к земле, а взгляд прилепился к торчащему из-под крышки уголку кристалла.

12.

Я с трудом сглотнула вязкую слюну. В голове вспыхнули десятки мыслей и немедленно исчезли, оставив только две. «Спасти Миранду» и «Если поймают — мне конец».

Весь мир сузился до серой грани, масляно блеснувшей из-под крышки... До моего собственного дыхания и пульса, который колотился в горле.

Я должна.

Мне нельзя.

Эти селективные кристаллы раздают студентам как расходный материал. Потом отправляют на переплавку, чтобы они снова послужили новичкам. И наверняка их как-то учитывают, иначе этот бак опустел бы за четверть часа: шутка ли — пятьдесят золотых! Даже двадцать пять, если продавать как «брак» за полцены.

Но в голове тут же зазвенел крик Миранды. Так, что дыхание перехватило, захотелось зажмуриться и закрыть уши руками.

Ее лицо, сведенное болью. Холодная вода, мокрые полотенца — жалкая замена нормальной помощи.

Кристалл сдох. На новый нет денег.

Бессонные ночи, запах обезболивающей настойки. Мама плачет на своей кровати в углу. Утыкается в подушку, надеясь, что мы не услышим, — но я слышу. Постоянный страх

— а что, если в этот раз Миранда не выдержит?

Всего один кристалл, даже испорченный, мог дать мне полгода, а то и год без этого кошмара. Возможность что-то придумать, найти выход.

Я стояла и смотрела на мусорный ящик и уже жалела, что так быстро пронеслась через КПП и не обратила внимания, есть ли там магический сканер или что-то подобное. Здесь же, сколько я ни присматривалась, не видела никакой защиты.

А может, это просто судьба? Попасть на территорию академии и оказаться именно здесь, рядом с баками?

Должно же мне хоть когда-нибудь повезти?

Руки дрожали так, что пришлось с силой сжать кулаки. Нельзя все время сомневаться, упустишь единственную возможность. Я зажмурилась, резко вдохнула и уже качнулась вперед...

— А, кузнечик, — прогремело над самым ухом.

Я подпрыгнула и резко обернулась, кажется, выдавая себя с головой.

Дворник. Тот самый, что сунул метлу мне под ноги. Кажется, сейчас он был в более благостном расположении духа, и запах выдавал почему. Моего перепуганного вида он не заметил.

— Ты б это... домой поспешала. А то если распорядитель увидит на территории позже положенного срока, штрафовать может.

Его слова моментально привели меня в чувство. Это Нелли оштрафовали бы, а мне явно грозило кое-что похуже, поэтому я натянула повыше воротник, чуть подняла плечи и бросила последний взгляд на контейнер с кристаллами.

Нет, все же не судьба.

До КПП я бежала чуть ли не быстрее, чем к кабинету ректора, и старалась не думать о том, как близко была от чуда. Но у проходной пришлось задержаться.

Прямо у турникета стояли дежурные с красными нашивками, видимо, со старших курсов. Рядом возвышался хмурый мужчина с фиолетовой нашивкой на мундире.

На него орал, наплевав на разницу в возрасте, совсем молодой — не старше первого курса — парень. Взъерошенный, как воробей после драки. Длинная челка, которая, можно поспорить, обычно лежала волосок к волоску, вздыбилась во все стороны. На лице — наглое упорство человека, готового доказывать свою правоту, даже когда неправ.

— Что вы себе позволяете! — возмутился парень. — Да вы вообще знаете, кто мой отец? Да за ваши обвинения вас лишат...

— Я знаю, кто ваш отец, кадет Шнаус, — тихо, но так, что даже мои ноги приросли к земле, произнес немолодой офицер. — Вы пытались вынести селективный кристалл за пределы учебных корпусов факультета. Нарушение пункта пять, статьи девять внутреннего распорядка.

— Мне подкинули, — выплюнул кадет. — Ничего не до-

кажете.

— Сканер на входе зафиксировал, что вынести пытались вы. Во время завтрака, нарушая распорядок. — Офицер командовал дежурным: — В камеру. Родителям я сообщу.

Сам парень, слишком наглый и беспринципный, не вызвал у меня ни малейшего сочувствия. Зато в груди расцвел ледяной цветок ужаса: если бы я взяла кристалл, сейчас была бы на его месте.

Но я не взяла. Поэтому я одернула пальтишко, приняла безразличный вид и уверенно пошла к проходной. На меня даже не обратили внимания: у них были дела поважнее, чем немного задержавшаяся обслуга. Только охранник сосредоточенно — естественно, в присутствии начальства-то! — посмотрел на индикатор на турникете, когда я проходила через него.

Сердце пропустило удар. Мигнул зеленый огонек. Щелкнул замок и... Все, теперь оставалось только вернуть Нелли пропуск, и можно было забыть и про ректора, и про холеного студента с сальными шуточками, и про то, что я едва не вляпалась по уши.

Можно было. Но кое-что слишком ярко отпечаталось в моей памяти — такое не забывается, даже если очень хочется.

На обратный путь почти не оставалось сил, но мне удалось проехать почти треть расстояния на подножке трамвая, пока кондуктор не заметил.

Я пробежала — несмотря на усталость, тревога за Миру гнала вперед — еще пару кварталов. Стук копыт и крики мальчишек-газетчиков сменились привычным гомоном рабочего дня. Вот и арка в наш двор-колодец.

Соседка сверху уже развешивала белье на длинные веревки, натянутые между двумя старыми, сейчас лысыми тополями, и громко ругала мужа. Рядом чистила овощи и активно поддакивала бабка из противоположного дома.

В сарае в дальнем углу двора недовольно хрюкали свиньи, и два кота с боевым “мряу” пронеслись прямо у меня под ногами, чуть не сбив.

Все шло своим чередом. Я на ходу поздоровалась с соседками, взлетела по стесанным каменным ступеням на крыльцо и распахнула тяжелую дверь.

Она скрипнула, в нос ударил затхлый запах старых досок, квашеной капусты и рабочего пота. По полумраку коридора я добралась до нашей маленькой дверцы, трижды постучала, как мы и договаривались с семьей, — сигнал, что пришли «свои» и можно не встречать. А потом прошла в нашу кухню.

Кирста, третья по старшинству сестра, уже что-то резала за тяжелым деревянным столом. На печке в углу булькал котелок. Пахло пшеничной кашей и свежим хлебом — значит, Лейн уже ходила на рынок.

— Как она? — с порога спросила я, зная точно, что Кирста поймет.

Сестра улыбнулась своей еще по-детски милой улыбкой

и кивнула на штору, за которой была каморка Миранды. У младшей — единственной в нашей семье — была своя комната.

— Спит. Лейн принесла лекарство, поэтому Мири уже к полуночи уснула. Мы решили ее не будить. Мама в спальне, как обычно, а Лейн, Тильда и Сона куда-то ушли.

Я кивнула, повесила пальто на крючок у двери и ополоснула руки, прежде чем пойти к Миранде. В ее комнатке, в которой помещались только кровать и столик, не было даже окон. Поэтому сейчас мне пришлось довольствоваться слабым светом из кухни.

Но и этого хватило, чтобы понять: Мири действительно все еще спала. Ее милое личико с круглыми щечками, носом-пуговкой и длинными ресницами было спокойно. Мне даже показалось, что она улыбается.

Я легла рядом с ней, прижав к себе хрупкое, измотанное приступом тело, и наконец-то позволила себе расслабиться.

В этот раз все закончилось хорошо: мы смогли добыть настойку, а я... не попала на КПП. А значит, пока что можно просто отдохнуть, ведь сил больше не было.

13.

Обычно меня выдергивал из сна будильник или бесконечный подсчет долгов и трат, но сегодня меня разбудили маленькие, но очень настойчивые пальцы, защекотавшие шею.

— Эйр, ну вставай уже, — Миранда обняла меня. — Солнце уже высоко! А мне скучно!

Я улыбнулась несмотря на тяжесть и ломоту во всем теле. Обняла сестру в ответ.

— Мири, — спросонья голос прозвучал хрипло. — Как ты?

— Мне такое снилось, ты не представляешь! — сестренка вывернулась из моих рук и села на кровати, подняв вверх ладошки. — Во-о-от такие синие цветы, которые сначала расцвели, а потом раз! — и превратились в огромных бабочек. Я бегала за ними и пыталась их поймать!

— Как? Если они больше тебя? — я тяжело поднялась. Медленно наклонила голову в одну и в другую сторону, растягивая мышцы спины.

После напряжения над операционным столом тело ломило так, будто по мне потоптались.

— Я сильная! Я смогла бы! — гордо заявила Мири.

— Точно. Ты очень сильная, — вздохнула я.

Она еще раз обняла меня, соскочила с кровати и убежала на кухню. Через откинутую занавесочку в комнату-чулан

проник свет. Яркий, солнечный. Стало теплее и радостнее. С кухни долетел манящий запах чая из мяты, которую Кирста выращивает на подоконнике.

А вот от меня пахло потом и больницей, платье неприятно липло к телу, напоминая о каждой минуте безумной ночи. Я сползла с кровати и поплелась в спальню за полотенцем и чистой одеждой. Кирста уже накрывала завтрак Мири. Между ними всегда была особая связь, вот и сейчас они уже радостно болтали.

Я замерла на мгновение перед дверью в спальню. Вдохнув поглубже, толкнула ее.

— Ты опять вернулась только утром, — тихо произнесла мама.

Мама кинула на меня короткий, почти пустой взгляд, под которым я поежилась будто под ледяным ветром, пробирающим сквозь одежду. Я взяла себя в руки и натянуто улыбнулась, но мама уже снова смотрела на вышивку, которую она переделывает уже раз в пятидесятый, потому что каждый раз ей что-то не нравится.

— У меня была ночная смена, а потом я взяла... подработку, — ответила я.

— Надеюсь, твои подработки вписываются в рамки приличий, — так же бесцветно сказала она.

Приличий, мам? Приличия — это роскошь, которая стоит дороже, чем наша жизнь. Но тебе об этом лучше не знать.

Впрочем даже если бы я захотела об этом сказать — она бы не стала слушать. Весь ее мир снова сузился до кончика иглы.

А я вспомнила голого ректора и то, как бесстыдно на него пялилась. Да. Все в рамках приличий. Кроме мыслей, наверное.

Я взяла чистое платье. Когда-то ярко-синяя ткань давно стало бледно-голубой, локоть украшала аккуратная заплатка. Закрыв глаза, вдохнула аромат сушеной лаванды — бабка Тина с углового подъезда выращивала ее на продажу, но соседям просто дарила...

«Я вам помогу, вы — мне, так, глядишь, и проживем» — говаривала она.

Лейн раскладывала лаванду в мешочки и засовывала в чистое белье, «чтобы дешевым мылом не воняло».

Задернув за собой занавесочку в углу кухни, у самой печки, я стянула платье. Тяжелая ткань, пропахшая потом и антисептиком свалилась на пол, и я вздохнула от облегчения — кажется, даже плечи распрямились. Кирста, умница, вспомнила, что мне понадобится ополоснуться, и заранее поставила на печь жестяной кувшин с водой.

Я встала в лохань — дерево кое-где растрескалось, но пока держало воду. Взяла кусок серого мыла.

«Кожа истинной леди должна быть как лепесток розы» — вспомнились мне наставления матери. После того как горничные смывали с меня пышную пену, мама сама втирала

мне в кожу масло кокоса — на ее родине считали его лучшим средством сделать тело атласным и мягким, придать то неуловимое свечение, что создает холеный вид. Бог знает, во сколько обходились отцу те хрустальные баночки, содержимое которых пахло солнцем и неведомой сладостью?

Тогда я проклинала и это масло, и мамино упорство — легко ли сидеть сиднем, пока из тебя делают совершенство, когда в игровой ждут сестры, а в библиотеке столько интересного. А с другой стороны — стоило ее ладоням коснуться плеч, и я замирала под этой тихой и спокойной лаской, слушая как журчит ее голос, когда, оттарабанив все положенные наставления, она начинала напевать на чужом языке.

Никто из нас так и не выучил его. «Вам жить здесь, назад дороги нет», — говорила мама.

Я зажмурилась так, что заболели веки. Терла и терла кожу жесткой мочалкой, будто могла содрать вместе с потом и грязью воспоминания, запах операционной, боль пациентов, страх что меня поймают, и отчаяние, которое не отпускало, пока я не увидела спокойно спящую Миранду.

Переодевшись, я налила в кувшин свежую воду и поставила ее на печь. Мира позавтракает, и я помогу ей помыться после приступа.

Кирста протянула мне чашку с чаем, и я, накинув пальто вышла во двор. Небо окончательно просветлело и стало высоким и пронзительно-синим, каким бывает только осенью. Солнышко припекало, куры у соседей кудахтали, и весь мир

улыбался. Или мне хотелось так думать.

Я присела на сложенные ящики, служившие нам скамейкой, и зажмурилась, запрокинув лицо к небу. Небольшая передышка, прежде чем придется снова возвращаться к делам: еще раз подсчитать, сколько осталось в банке монет и как прожить на них до зарплаты.

— Эйра! — окликнул знакомый голос.

Я открыла глаза. Торен стоял, прислонившись плечом к стене сарая, и нервно мял в руках кепку. Высокий, широкоплечий, с огненной копной волос и конопушками на лице. Он работал подмастерьем в столярной лавке, и от него всегда пахло свежей стружкой и смолой.

— Привет, — улыбнулась я.

Он залился краской так стремительно и ярко, как способны только рыжие.

— Я видел, как ты бежала вчера поздно вечером... Хотел окликнуть, да побоялся напугать, — он замялся. Потом резко сел рядом со мной и протянул маленькую птичку, вырезанную из дерева. — Это тебе. На удачу.

Я взяла фигурку. Идеально гладкая, теплая от его ладоней. Только слепая или полная дура на моем месте не поняла бы, что нравлюсь ему. Но каждый раз, когда мы разговаривали, внутри начинала скрестись вина. Для любой девушки из нашего квартала Торен — завидная партия. Добрый, честный работяга.

Для любой. Кроме меня. Он будет рассказывать мне о це-

нах на древесину, о новом заказе на стулья, о том, какой суп сварила мать. Я буду улыбаться, кивать, а сама думать о селективных кристаллах, о магии, о формулах, которые я вычитала в старых книгах. И мечтать об академии.

Между нами всегда будет эта... пропасть. Он будет строить мне дом из крепких сосновых досок, а я — задыхаться внутри этих стен и мечтать о воздушных замках, шпили которых пронзают облака, но никогда не станут надежной крышей.. Вроде бы вдвоем, а на самом деле — одинокие. И все же... мне так хотелось простого человеческого тепла. Без надрыва. Без трагедий.

— Спасибо, — сказала я, поглаживая дерево..

— В выходные ярмарка будет на площади, — он набрал в грудь воздуха. — Танцы, жонглеры... Может, пойдешь со мной?

Его карие глаза, светились надеждой. Ему не нужно было от меня ничего, кроме улыбки и этого небольшого ожидания. Так непохоже на то что творилось в моей жизни этой ночью.

— Я пойду, Торен. С удовольствием.

Он просиял так, будто я подарила ему золотой, снова залился краской и практически сбежал, оглядываясь и едва не спотыкаясь.

Во двор зашла Лейн. Ее глаза довольно блестели, щеки пылали, руку оттягивала корзина, накрытая расшитой салфеткой.

Я заглянула под край. От запаха свежего багета и копченой грудинки у меня свело желудок — последние пару дней приходилось довольствоваться черным хлебом и перловкой на воде. Еще в корзине лежали головка дорогого сыра и увесистый сверток с сахарным печеньем.

Я даже не успела рот открыть, когда Лейн перебила: — Только вот не начинай свои нотации! — она вздернула подбородок. — Да, это от Брана. Но не отказываться же, когда дают?

Лейн довольно поправила воротник платья. Внимание парня ей явно льстило, но еще больше ей нравилась его щедрость. А мне не нравилась: не дают никогда и ничего просто так. Сын лавочника увивался за ней уже год, и эти подарки...

— А еще он намекнул, что его отец скоро отойдет от дел и оставит ему все три лавки, — сказала Лейн. — И вообще, ты можешь просто сказать «спасибо»?

В ее отношении к парню не было ни капли романтики. Лейн устала от нищеты и, кажется, всерьез решила, что сын богатого лавочника — это ее билет в жизнь, где не нужно считать каждый медяк.

Она, как и я, еще помнила, что такая жизнь существует. Мы вошли в кухню и Лейн торжественно достала багет из корзины.

— Ну что, кажется, у нас сегодня маленький пир? — громко сказала она.

Аромат разнесся на всю кухню. Кирста тут же подхватила

корзину, а Миранда засмеялась.

14.

Лакомства ложились на стол одно за другим.

— Можно? — Мири потянулась к багету.

Лейн отломил горбушку и протянула ей. Потрепала по пушистой макушке.

— А вторую разыграем, — сказала она.

Я сглотнула слюну.

— Ты добыла — тебе и вторая горбушка.

Она улыбнулась — явно гордясь, что принесла домой настоящее сокровище. Хотя мы, старшие, еще помнили времена, когда в доме были повара, и сласти каждый день, и...

Нет. Было. Прошло. И нечего вспоминать.

В дверь постучали.

— Я открою, — сказала я. — Маму позовите.

Лейн едва заметно скривилась, но ничего не сказала. И я не стала ничего говорить. Как бы мне хотелось, чтобы мама обняла меня, как раньше. Рассказать про больницу. Посмеяться вместе над историей, как я чуть не огрела тряпкой по морде самого ректора академии — о некоторых деталях лучше умолчать.

Но, наверное, ничего этого не будет. Мама вроде бы и слушала, но заметно было, что мысли ее не здесь. Даже не в вышивке, и не в прошлом. Когда я начала работать в больнице, я уговорила одного целителя осмотреть ее: может быть, ка-

кая-то болезнь сделала ее такой. Тогда я еще надеялась, хотя подспудно знала ответ.

«Угасание духа» — так он это назвал. Сказал, что видел подобное у тех, кто пережил войну или потерял все разом. Тело здорово, а душа будто застряла где-то в прошлом и не может выбраться. Магия тут не поможет. Время — может быть.

Я читала о таком в библиотеке отца — слуги по старой памяти пускали меня, главное было не попадаться ему на глаза. Что-то случается, и человек... будто перестает жить. Он дышит, говорит, но душа его не отзывается ни на что. Мог бы помочь мозгоправ — если бы у нас были деньги. Если бы мама согласилась. Но когда я заикнулась об этом, она отрезала: «Я здорова» и уткнулась в свою вышивку.

Я прогнала эти мысли — не сегодня, когда день так хорошо начался. Открыла дверь. На пороге стояла Нелли.

— Ты пропуск не вернула. Я уже думала, тебя замели...

Пропуск. Я, дура, оставила его в кармане грязного платья.

— Сейчас принесу.

Я метнулась в комнаты, к корзине с грязным бельем, едва не столкнувшись с мамой. Она отодвинула меня жестом, каким отмахивалась от надоевшей прислуги.

— Добрый день, леди Фростгард, — донесся бодрый голос Нелли.

— Моя дочь занята, — отрезала мать ледяным тоном. — И я не одобряю, когда мои девочки общаются с особами со-

мнительной репутации вроде тебя.

Лейн закатила глаза. Я выглянула в коридор, изо всех сил замахала Нелли: иди, иди! Старательно, преувеличенно четко артикулировала губами: «Я. За-не-су».

Нелли нахмурилась. Сообразив, кивнула и развернулась, не потрудившись попрощаться. Мать захлопнула дверь, так что штукатурка с потолка посыпалась.

Я ругнулась про себя, острая грань пропуска впилась в ладонь. Как некстати! Придется теперь бежать к Нелли вместо того, чтобы поспать пару часов перед дежурством...

Где и когда мать успела наслушаться сплетен? Она почти не выходит из дома.

Нелли действительно не стеснялась пользоваться своей внешностью, тасуя кавалеров с ловкостью карточного шулера — так что один не пересекался с другим. Она и меня-то попросила ее подменить, чтобы устроить себе свидание. И соседки наверняка регулярно перебивают ей косточки.

— А я ей говорю... — донеслось с улицы.

Ах да. Окно. Двор-колодец, в котором упавшая сосулька звенит как настоящий взрыв.

Почему сестры затихли?

В кухне собиралась гроза. Мать стояла перед столом. Неестественно неподвижная. Прямая.

— Откуда. Это? — спросила она.

— Я добыла, — в тон ей ответила Лейн.

— Украла? Немедля...

— Да с чего ты взяла, что я украла? — возмутилась сестра.

Мири замерла, глядя на них испуганным котенком. Кирста обняла ее. Сона вздохнула с таким видом, будто говорила: «Начинается...» Тильда демонстративно уставилась в окно — она ненавидела ссоры.

— Может, я купила? — продолжала возмущаться Лейн.

— На какие деньги? — Мама обернулась ко мне. — Эйра, ты давала сестре деньги?

— Да, — соврала я.

Выразительно глянула на Лейн. Молчи. Только молчи.

Мама до сих пор вела себя так, будто мы жили в богатом доме, каждой из нас было обещано приданое, и она все еще считала, что самое страшное, что могло случиться с юной леди, это дурная репутация, отрезавшая ей путь в гостиные и к замужеству.

Однако Лейн молчать не собиралась.

— Ее денег хватило только на лекарство для Мири! А это — мое. Мне подарили.

— Кто?

— Бран. Сын лавочника.

— Сын лавочника? Дарит тебе еду?! Немедленно...

— Между прочим, он подарил ее для нас всех! Но ты можешь не есть, если не желаешь.

— Ты немедленно отнесешь ее обратно и скажешь, что ты очень сожалеешь, но не можешь принять его подарок.

— И не подумаю!

— Ты полагаешь, этот торговец ничего не потребует взамен? Или... он уже потребовал?

— Что потребовал? — Глаза Соны загорелись от любопытства. Я застонала про себя.

— Потребует, и я расплачусь! — выпалила Лейн. — Он замуж зовет, если хочешь знать!

Мать хватанула ртом воздух.

— Замуж. Сын лавочника. Зовет. Тебя. Замуж. Ты — леди, а не...

— Я — не леди! Никто из нас не леди! Леди не выносит по ночам чужие горшки, как Эйра! Леди не разносит по утрам булки от пекаря по всем кварталам, как я! Не продает газеты, как Кирста. Не...

— Леди — это не богатство, а гордость!

Лейн расхохоталась.

— Гордость! О да, у гордости вкус преотличный — сухая корка и плесень.

— Как ты смеешь!

— Как ТЫ смеешь заикаться о гордости после всего? Это твоя идиотская гордость загнала нас в эту зад...

Мать с размаху смела со стола еду. Прямо на пол.

Миранда всхлипнула. Кирста прижала ее к себе.

Лейн смотрела под ноги. На разбросанную еду. На куски багета в пыли, на расколовшийся сыр, на все то, что она так гордо принесла в дом. На разрушенную надежду на хоть один спокойный, сытый день.

Что-то в ее лице изменилось.

— Ты... — Голос сорвался, стал хриплым. — Ты смела. Еду. На пол.

— Я не позволю...

— Ты швырнула еду на пол?! — Лейн заорала так, что Мира зажала уши ладошками. — Мы голодаем! Мира болеет! А ты смела на пол... Не хочешь жрать — не жри, но мы в чем виноваты? В том что у тебя нет ума — одна гребаная...

— Не смей так со мной разговаривать!

— А что ты сделаешь?! — Лейн шагнула к матери, та отшатнулась. — Что?! Ударишь? Давай! Эйре отец врезал так что...

— Заткнись! — воскликнула я.

Лейн, кажется, не услышала.

— Выгонишь? Так я и сама уйду! Все лучше чем жить с матерью, которой ее гордыня дороже детей!

— Что ты несешь!

— Что Я несу? Что *ты* несла, когда отец обвинил тебя

в измене! Как оскорблялась, когда он потребовал экспертизу! Ума не хватило подумать, что он специально тебя на это развел — а ты, дура, повелась! Как он и хотел — чтобы весь мир считал тебя шлюхой а Миру — незаконно..

— Заткнись! — заорала я, разворачивая Лейн к себе за плечо.

— Что?! — она попыталась меня отпихнуть. Ее глаза пылали злостью.

Я ткнула пальцем в Миру. Малышку Миру, которая сжалась в комок в объятьях Кирсты, закрыв уши, но все равно слышала. Слышала, что она — незаконная. Что из-за нее родители развелись. Что она — причина всего этого кошмара.

Лейн запнулась. Посмотрела на сестренку. Зажмурилась, явно пытаясь удержать слезы.

— Вы все тут... — Она сглотнула, сжала кулаки. — Гнийте. Со своей гордостью. Я уйду к Брану. Прямо сейчас.

Она развернулась и ушла в комнату девочек.

Мать стояла, тяжело дыша. Пальцы дрожали.

Я подошла к ней, обняла за плечи — жесткие, напряженные, будто деревянные.

— Мам, пойдем.

Она не сопротивлялась. Позволила увести себя в спальню. Я усадила ее на кровать. Мать опустила голову на руки.

— Она не понимает, — прошептала она. — Если мы откажемся от принципов, что у нас останется?

«Жизнь, — подумала я. — У нас останется шанс не сдох-

нуть с голоду прямо завтра. Если это не принцип, то я не знаю, что тогда принцип».

Но вслух я ничего не сказала. Просто прикрыла за собой дверь.

Тогда, пять лет назад, мне было тринадцать. Лейн — на год меньше.

Мы, прижавшись друг к другу, сидели на лестнице в особняке — огромном особняке, который считали своим домом. Снизу доносились голоса.

— В моем роду, — говорил отец ровным, холодным голосом, — никогда не было подобных отклонений. В твоём тоже. Медики подтверждают — это наследственное. Значит, ребенок не мой.

— Как ты смеешь?! — Голос матери срывался на крик.

— Я требую генетической экспертизы.

— Я не позволю тащить мою дочь в лабораторию, как подопытное животное! Я не позволю тебе усомниться...

— Значит, тебе есть что скрывать.

Мы с Лейн переглянулись. Что происходит? Мама не изменяла ему! Мира — его дочь, конечно же, как может быть иначе!

Но мы были детьми. Много позже мы поняли, что отец все рассчитал. Он прекрасно знал: мать откажется. Ее гордость не позволит ей согласиться на экспертизу, чтобы отстоять свою верность...

Отец прекрасно знал: ее отказ станет для всех доказатель-

СТВОМ ВИНЫ.

Люди, которые еще вчера считали за честь быть принятым в ее гостиной, отвернутся. Будут шептаться за спиной. Перестанут присылать приглашения. Закроют двери.

А отец выйдет из этого героя. Благородным мужем, которого предала неверная жена. Который великодушно позволил ей забрать все свои подарки и до сих пор содержал детей несмотря на то, что не мог быть уверен, что это его дочери. Кто ж виноват, что она не умеет обращаться с деньгами? Первые годы мы действительно жили так, будто ничего не изменилось. Няньки. Повара. Богатый дом.

Первые годы.

Отец получил то, что хотел: свободу жениться снова, искать наследника, не запятнав свою репутацию.

А мы... Нас вышвырнули из того дома кредиторы, когда оказалось, что мать не может выплатить долги. Все, что у нас осталось, — эта каморка и гордость.

Которая сломала нашу мать.

Я вернулась на кухню.

Лейн раскрыла сундук, который служил заодно лавкой и постелью — и свирепо запихивала вещи в холщовый мешок. Юбка, смятая рубашка, гребень. Ее руки тряслись.

Кирста все еще обнимала Миру. Что-то тихо шептала ей, гладила по волосам. Сона стояла у стены, обхватив себя руками, и выглядела куда старше, чем положено в двенадцать лет. И только Тильда деловито собирала с пола еду. Она

ненавидела скандалы. Но почему-то единственная из всех нас умудрялась оставаться здравомыслящей, когда стены сотрясались от криков.

Надо успокоить Миру. Помочь Кирсте. Объяснить Соне. Все это — одновременно, хоть разорвись.

Но сейчас — сейчас Лейн уйдет. И ее бунт может очень плохо закончиться.

Я шагнула к ней и схватила за руку.

— Лейн, подожди.

— Отпусти! — Она дернулась, но я не отпустила.

— Ты помнишь Ингу? С соседнего двора?

Лейн вздрогнула.

Инга. Хорошенькая, веселая девушка. Год назад встречалась с подмастерьем кузнеца. Он обещал жениться. Она поверила. Отдалась.

Через три месяца он женился на дочери своего мастера. А Инга осталась с животом. Родила в городском приюте. Ребенка забрали.

Сейчас она стирает белье в публичной прачечной. Руки вечно красные от щелока, а взгляд такой, будто перед ним только бесконечная куча чужого белья.

— Бран не такой, — прошептала Лейн, но голос дрогнул.

— Откуда ты знаешь?

— Я... Он же зовет замуж!

— Зовет. Сейчас. Пока ты не согласилась переспать с ним. Зачем ему жениться, если он получит все и так?

Лейн побледнела.

— Он не...

Стук в дверь оборвал ее слова.

Резкий. Уверенный. Как будто те кто стоял с той стороны, имели право вломиться в любой дом, и стучали только для приличия.

— Ох ничего себе, из самой академии к нам пожаловали,
— донесся из форточки голос бабки, что чистила овощи.

Мы все замерли.

Я медленно обернулась к двери. Сердце провалилось куда-то вниз.

Пропуск. Проклятый пропуск Нелли все еще в моем кармане.

Если это они...

Я заставила себя шагнуть к двери. Еще раз.

Распахнула ее.

На пороге стояли двое в форме академии. Синие мундиры с серебряным шитьем. Официальные, не улыбочивые лица.

— Эйра Фростгارد? — спросил старший.

Воздух застрял в горле.

— Да.

16. Альтер Рейвен

Я сидел за столом, гипнотизируя взглядом стопку вчерашних отчетов. Пока что глупо было даже пытаться вникнуть в хоть один из них: буквы расплзались серыми блохами. В голове словно взорвался высокочастотный импульсный шар, тело знобило, а во рту будто кошки нагадили. Чего и следовало ожидать: эликсир бодрости и то, чем я пытался его перебить. Перебить не вышло, а вот добить однажды получится. Но не сейчас...

Дверь приоткрылась без стука — такую вольность я позволял только моему секретарю, старому сержанту в отставке. На стол опустилась чашка дымящегося кофе. Тихо звякнул фарфор, и виски снова прострелило.

— Ваше превосходительство, выглядите паршиво, — тихо хмыкнул Горнет.

Однажды он вытащил меня после внезапного удара по санитарной палатке. С тех пор он стал моей правой рукой во многих вопросах. И сюда пришел тоже вместе со мной.

— Катись в бездну, — шикнул на него я. Потер глаза, которые будто ломило изнутри. — Запроси информацию из больницы об этой бестолочи.

— О младшем лорде Вейне?

— Не хочу думать, что напрасно проторчал в операционной полночи.

Сержант буркнул «так точно» и исчез из кабинета. Он всегда умел вовремя заткнуться.

Я сделал глоток. Горечь обожгла горло, немного проясняя мысли, но импульсный шар в голове продолжал размеренно пульсировать. Я откинулся на спинку кожаного кресла, прикрыл глаза и снова, в который раз за последние полчаса, прокрутил в голове сцену с уборщицей.

Позорище.

После смерти Виты я лез в самые горячие места. Надеялся... бог знает на что, на самом-то деле. Смерть, точно издеваясь, раз за разом появлялась за плечом, а потом лениво отворачивалась. Я оставался. Затянуть раны, срастить кости, и все сначала.

Зато опасность я научился чувствовать даже не нутром — крестовым нервным сплетением. Эти рефлексy не один раз спасали меня в колониях.

А сегодня чуть не прикончили несчастную недалекую уборщицу. Угроза — нейтрализация. Четкая, отработанная связка. Не знаю, каким чудом я не придушил к демонам девчонку еще до того, как начал соображать.

Кулаки непроизвольно сжались, и я с усилием заставил себя распрямить пальцы.

И эта ненормальная тоже хороша. На меня, ректора академии — с тряпкой!

И нет чтобы извиниться, так она еще и паялилась. Я хмыкнул, вспомнив этот ошалелый взгляд, замерший у меня ни-

же пояса. В любой другой ситуации я бы, возможно, даже съязвил, но в тот момент чувствовал себя дистиллированным идиотом.

Теперь же внутри зудело раздражение. Не на нее — что взять с глупой девки, которая, наверное, мужика-то видела только на картинках? На себя. На свои гребаные рефлексy, которые, как и подобает рефлексам, сработали раньше мозгов.

А еще занозой сидела мысль. Где-то я ее видел. Не в академии, нет. Хотя обслуживающий персонал я сам не нанимал, но лица помнил. Эта — новенькая.

Но все же видел. Эти чересчур изящные для уборщицы кисти, эту слишком светлую кожу — маркер породы среди знати и малокровия у простых горожан.

Особенно светлую на контрасте со свежим синяком.

Я мотнул головой и зашипел, когда в виски ввинтилась боль.

В этой уборщице не было и не могло быть ничего общего с медсестрой из ночной операционной. Та была собранной, жесткой. В ней чувствовался стержень. А эта... Забитая мышь, которая даже двух слов связать не смогла. Только глупо хихикала.

Я снова с силой потер веки. Надо выкинуть эту чушь из головы. У меня академия, у меня сотни студентов, а я переживаю из-за того, что напугал уборщицу.

Кристалл связи на столе тревожно запульсировал крас-

ным. Срочное донесение.

— Слушаю, — ответил я. — Вейн-младший решил помереть назло нам всем?

Из динамика послышался едва ли скрываемый смешок Горнета.

— Этот жив и стабилен, ваше превосходительство. Сообщение от подполковника Дрогана. Задержан кадет первого курса Шнаус.

Шнаус... Это не сынок ли барона, который занимается поставками продовольствия для армии? Он пытался записаться ко мне на прием непосредственно перед вступительными экзаменами этого года.. Сомневался, что его отпрыск сможет сам сдать проходной минимум?

— Докладывай. — Я отхлебнул еще кофе. Лучше не стало.

— Попытка вынести отработанный учебный кристалл через КПП. Нарушение пункта пять, статьи девять внутреннего распорядка.

А не зря папаша сомневался в умственных способностях своего сыночка. Не первую неделю учится, но так и не понял, что нянчиться с ним никто не будет.

Зачем ему кристалл? Продать? Мелочь для такого, как Шнаус. Спор? Глупость?

Плевать. Мне тут не нужны идиоты и трусы. Мне нужны целители. Военные целители. Те, у кого есть мозги и совесть. Те, кто не побоится сунуть руки в кровь и дерьмо, чтобы

спасти жизнь. Такие, как та ночная медсестра.

Я выругался. Спать надо больше, а пить меньше — и тогда не будут лезть в голову глупости о том, что, родись та девчонка с яйцами, я бы нашел способ затащить ее в академию. Если бы у бабушки был...

— Готовь протокол и приказ на отчисление, — распорядился я.

— А отец? Он уже связывался с куратором...

— Вот для этого протокол. Скажите папаше, что, если он будет настаивать, я подпишу протокол о краже и дам делу ход. — Я постучал пальцами по столу. — А хочет сохранить хоть какое-то будущее для своего сына — пусть сам забирает этого идиота.

Эти снобы понимают только силу и манипуляции.

— Есть! — выдал кристалл связи и отключился.

Я встал, подошел к окну. Солнечный свет резанул по глазам.

Второй. Второй за двое суток.

Вчера я лично вышвырнул сынка столичного банкира. История была еще гаже. Эти ублюдки нашли парня из провинции, самородка, который честно прошел на бюджетное место, и просто купили его документы. Запугали, сунули деньги — неважно. Важно то, что бездарность с кошельком заняла место таланта.

Я узнал не сразу. Только когда обнаружил, что в парке мелькает физиономия которую, как я помнил, быть не долж-

но. Поднял списки, явился на утреннюю перекличку и вызвал банкирского сына в кабинет. Балбес раскололся через пять минут.

А теперь этот идиот Шнаус. Ворует кристаллы. Не от голода — от скуки. От ощущения вседозволенности.

Теперь на курсе есть два места, за которые абитуриенты готовы были глотки рвать. Два места для тех, из кого, возможно, действительно мог бы выйти толк.

Нет, не для того парня из провинции. Как бы то ни было — он упустил свой шанс. Сломался? Возможно. Но отсюда выходят те, кто потом будет управлять империей, и если их так легко сломать...

Я вернулся к столу, опустился в кресло и вытащил из ящика чистый бланк приказа.

Мне нужны не титулы и не кошельки родителей. Мне нужны те, кто готов грызть землю зубами. Кто не сдохнет после первой же бессонной недели в операционной.

Быстро, размашистым почерком я написал:

«Приказываю

В связи с отчислением кадетов Шнауса и Вильде начальнику учебной части:

1. Снять их с довольствия.

2. Зачислить на освободившиеся бюджетные места и поставить на довольствие двух абитуриентов из списка ожидания, набравших максимальное количество баллов, но не прошедших по квоте.

3. Приказы подготовить к полудню. Уведомить зачисленных немедленно».

Я расписался и приложил печать, оставив на бумаге отиск в виде головы змеи.

В списке ожидания обычно оказываются те, кому не хватило удачи, связей или денег, но у кого было достаточно упорства, чтобы сдать экзамены почти идеально. В первые месяцы среди первогодков отсев огромный — и есть возможность зачислить других не дожидаясь следующего года.

Я вызвал секретаря, чтобы отдать распоряжение, и впервые за утро ощутил мрачное удовлетворение.

17. Эйра Фростгард

— Вам надлежит явиться в академию сегодня, — отчеканил старший. — На КПП вас встретят. Распишитесь в получении.

Он протянул мне запечатанный конверт. Плотная бумага, красная восковая печать с эмблемой академии — голова змеи.

Пальцы отказывались слушаться, как на морозе. Я едва не выронила конверт, забирая его. Что там? Официальное обвинение? Повестка в суд?

Остатки здравого смысла попытались напомнить: если бы администрация академии в самом деле узнала, что я проникла на территорию факультета военных целителей по чужому пропуску, никто бы не стал утруждаться, принося мне официальные бумаги. Взяли бы меня под белые руки и потащили в кутузку. Где меня уже ждала бы Нелли, размазывая сопли и слезы и жалуясь, как я обманом или шантажом выманила у нее пропуск ради каких-то своих черных делишек.

Иллюзий по поводу приятельницы я не питала.

Мужчина тем временем протянул мне планшет с бумажным листом и самописку. На листе было всего два имени. Первое — мое. Второе — Марта Оакс.

Подпись вышла корявой, будто я впервые держала ручку в руках. Мужчина посмотрел на листок, проверяя, действи-

тельно ли я расписалась, сунул планшет под мышку.

— Всего доброго.

Он и второй, до сих пор не произнесший ни слова, синхронно развернулись и зашагали прочь.

Я закрыла дверь. Колени тряслись.

— Эйра, что это? — раздался за плечом голос Кирсты. Я подпрыгнула, выронив конверт. Обернулась. Все пять сестер столпились у выхода из комнаты.

Я прислонилась спиной к двери, отодрала печать от бумаги.

Четкий шрифт печатной машинки.

«Руководствуясь уставом, администрация Императорской академии целителей уведомляет Фростгард Эйру о зачислении...»

Что?

Я перечитала еще раз. Строчки прыгали в глазах.

«...на освободившееся бюджетное место с полным казарменным довольствием как следующую в списке ожидания».

Я прошла! Я все-таки прошла! Кто-то из богатеньких ребяток вылетел, и гребаный список ожидания все же сработал! Я не верила, что в него кто-то заглядывает, что это не утешительная выдумка для неудачников вроде меня, но...

Я перечитала начало в третий раз, все еще не веря по-настоящему.

«Зачисленной надлежит прибыть к месту обучения сегодня к 18:00, имея при себе:

- удостоверение личности;
- предметы личной гигиены.

В случае неявки приказ о зачислении абитуриента будет аннулирован.

По поручению ректора Академии, профессора А. Рейвена, секретарь Т. Горнет».

— Эйра! Что там? — Лейн попыталась вырвать бумагу у меня из рук. Я прижала листок к груди.

— Меня зачислили.

— Куда? — не поняла она.

— Меня зачислили в академию.

Тишина.

Потом Миранда взвизгнула от восторга и бросилась ко мне. Кирста ахнула, зажав рот ладонями. Сона открыла рот, но не издала ни звука.

Лейн застыла.

— Как... зачислили? — медленно произнесла она. — Ты же не прошла.

— Список ожидания. — Я снова посмотрела в приказ, будто буквы могли вдруг измениться. — Кого-то отчислили. Освободилось место. Меня... я оказалась следующей по баллам.

Кто-то облажался, и его выгнали. Дав мне шанс.

— Ты поступила, — прошептала Кирста, и в ее голосе звучал восторг. — Ты будешь офицером! Целителем!

— У нас будут деньги! — подхватила Тильда.

Я сглотнула. Посмотрела на дату внизу приказа.

Сегодняшнее число. Прибыть до 18 часов.

У меня меньше шести часов на все.

— Ты будешь носить мундир! — Кирста схватила меня за руки. — С серебряными пуговицами! И учиться магии!

— И будешь лечить людей, как в сказках! — Миранда прыгала вокруг меня. — А потом приедешь и вылечишь меня совсем-совсем!

Сердце сжалось. Я присела на корточки, обняла малышку. — Постараюсь, солнышко.

Дверь спальни скрипнула. Мать вышла. Выпрямленная, с высоко поднятой головой. Глаза блеснули — непонятно, от слез или от триумфа.

— Эйра, — произнесла она. — Ты поступила в академию.

Она не спрашивала — констатировала факт. Который, похоже, уже успела включить в свою картину мира.

— Наконец-то. — Она подошла ближе, положила руки мне на плечи. — Ты Фростгард. Твое место среди элиты. И наконец-то ты его займешь. Как и должно быть.

Пальцы сжали мои плечи до боли.

— Я всегда знала, что ты не останешься в этой... — она обвела взглядом кухню, — ...нищете. Ты вернешь нашему имени достоинство.

«Нашему имени», — эхом отозвалось в голове. Не «себе». Не «семье». Имени.

— Когда ты уходишь? — спросила мать.

— Сегодня. К шести вечера.

Она кивнула. Отпустила мои плечи и отступила.

— Конечно. Военная академия не терпит опозданий. —

В голосе появились новые нотки. Тихие, почти незаметные.

— Мы, конечно... справимся. Как-нибудь. Ты не волнуйся.

Главное, чтобы у тебя все получилось.

Внутри что-то застыло. Словно мать упрекнула меня. «Ты бросаешь нас на произвол судьбы. Мы выживем. Может быть. Если повезет».

18.

— Мама, — выдавила я.

— Нет-нет. — Она подняла руку. — Я понимаю. Это твой шанс. Ты должна его использовать. А мы... — пауза, — ...мы непременно справимся.

Сона отвернулась к окну. Тильда сжала губы. Кирста все еще улыбалась, но улыбка стала неуверенной.

А Лейн стояла у стола. Неподвижная. Смотрела на меня. И взгляд ее становился все растерянной.

До нее дошло. По-настоящему.

— Ты уходишь, — констатировала она. — Сегодня.

— Да.

— И я... — Голос сорвался. — Я остаюсь старшей.

Я ничего не ответила. Что тут скажешь?

Лейн шагнула ко мне. Еще один шаг. Лицо исказилось.

— Мы не справимся! — выкрикнула она. — Ты слышишь?! Мы не справимся без тебя! Мира больна! Мама... — она ткнула рукой в сторону матери, — ...она вообще не здесь! Денег нет! Ты зарабатывала больше всех нас! Я не смогу!

— Лейн... — начала Кирста.

— Заткнись! — Лейн развернулась к ней, потом снова ко мне. — Ты бросаешь нас! Подыхать! Удобно, да? Свалить в свою академию, на все готовенькое. Погоны, серебряные

пуговицы, а мы тут... Я не смогу, Эйра! Не смогу! — Она разрыдалась.

«Я не ты!» — вот что я слышала в ее крике. Я смотрела на Лейн. На ее перекошенное лицо. На дрожащие руки. Да, она — не я. Но и я не всегда была такой. Мне пришлось стать нынешней.

Нутро скручивало виной. Я действительно зарабатывала больше, чем все остальные сестры вместе взятые, потому что работа медсестры требовала каких-никаких знаний и квалификации. Даже в заштатной больнице, где никто не стал вглядываться в мое поддельное свидетельство об окончании курсов.

Я должна остаться.

Я должна уйти, потому что это единственный шанс для Миранды. Для всех остальных. Я должна выгрызть этот гребаный диплом, который откроет мне дорогу — не к почестям и важным должностям, демоны с ними — к службе, где платят столько, чтобы я смогла снять нормальную квартиру семье. Чтобы Кирсте не приходилось по утрам таскать тяжелые связки газет. Шастать в глухих переулках, заходить в чужие дома, рискуя, что ее ограбят, отобрав жалкий сегодняшний заработок, изобьют, изнасилуют. Чтобы Лейн не надрылась, таская тяжеленные корзины с булками. Чтобы...

— Я смогла, — сказала я тихо, но Лейн почему-то сразу заткнулась. — Значит, и ты сможешь.

— Нет, — выдохнула она.

— Хочешь жить — станешь старшей. Иначе сдохнешь вместе с остальными. — Слова выходили жесткие, ледяные. Будто не я их говорила, а кто-то другой. — И Бран тебе не поможет. Он тебе не муж. Он даже не жених. Он парень, который дарит подарки, пока ты не дала ему то, что он хочет.

Лейн отшатнулась, будто я ее ударила.

— Ты...

— Я говорю правду. — Я шагнула к ней. — Ты думала сбежать к нему пару часов назад. Помнишь? И что бы дальше? Думаешь, его родители приняли бы тебя как его законную невесту? Или сочли подстилкой?

— Не смей так...

— Можешь идти проверить. — Я указала на дверь, нутром чуя, что Лейн не осмелится проверить на самом деле. Первый запал прошел, и она начала соображать. Немного. — Может быть, он снимет тебе квартиру и будет заглядывать туда, когда захочет. А может, и нет, если кошелек в руках у его отца.

— С-с-с... Какая же ты стерва, — прошипела она.

— Может быть. Но тебе придется стать такой же. Придется стать мной. Тащить на себе всех остальных, как тащила я, или сдохнуть — вместе со всеми.

— Я — не ты.

Вот оно. Сказанное вслух. Главный страх.

— Придется.

Я развернулась. Не могла больше смотреть в ее глаза. На

Кирсту, прижимающую к себе рыдающую Миру. На Сону, застывшую у стены. На Тильду, молча наблюдающую.

На мать, стоящую в дверях спальни с лицом статуи.

Вина скребла изнутри когтями.

Я бросала их. Оставляла в этой нищете, с больной Мирой, с матерью, которая давно перестала быть матерью. С Лейн, которая не готова. С младшими, которые еще слишком маленькие.

Но если я останусь...

Если я останусь, мы все умрем. Медленно. От болезней, от голода, от отчаяния. Мира умрет первой: без кристаллов она не протянет и года. Потом кто-то из младших — зимой, от простуды, которую не на что будет лечить. Потом...

Выбор был между дерьмовым и еще дерьмовей.

Но я выбрала.

— Я иду в больницу. За расчетом, — сообщила я в пустоту.

По дороге забежала к Нелли. Дверь открылась почти сразу. Нелли вышла на порог.

— А, ты. — Она окинула меня взглядом. — Принесла наконец-то.

Я молча протянула ей пластину. Нелли взяла, сунула в карман.

— Спасибо, что выручила с деньгами, — бросила я и развернулась.

— Эй, погоди! — окликнула она. — Ты чего такая...

взвинченная?

Я обернулась. Посмотрела на нее. Хотела сказать про зачисление — и не смогла. Будто боялась, что стоит произнести это вслух — и окажется, что все это мне приснилось.

— Дела, — отмахнулась я. — Мне пора.

— погоди, — повторила Нелли. Покрутила в руках золотистый кулончик на цепочке, висевший у нее на шее. — Смотри, что мне подарили.

На цепочке покачивался кулон — изящный, овальный, со поблескивающим камнем. Можно было не присматриваться — это не дешевая побрякушка с рынка.

— Красивое, — вежливо согласилась я.

На лице Нелли расплылась довольная улыбка. Я догадывалась, почему она мне это показывала — слова моей матери задела. И хотя Нелли тогда сделала вид, что ей все равно, сейчас решила поставить меня на место.

— Дорогое. — Нелли прислонилась плечом к дверному косяку, с наигранным сочувствием глядя на заплатку на моем рукаве. — Репутация, может, и сомнительная, но подарки настоящие.

Дорогое? Для девчонки из трущоб — несомненно. Но я помнила, что такое по-настоящему дорогие подарки. Те, что отец дарил матери. Только какая разница, сколько стоит подарок, если ни он сам, ни его цена не гарантируют ни порядочности, ни верности того, кто подарил.

Впрочем, что в этой жизни вообще гарантировано, кроме

смерти?

— Носи на здоровье, — вздохнула я. — Мне правда бежать надо.

— Да куда ты несешься-то? — Нелли поморщилась. — Смена же вечером.

— Дела, — коротко повторила я, уже окончательно уходя. За спиной послышалось:

— Эйра!

Я замерла, но не обернулась.

— Ты не дура, — сказала Нелли тихо. — Рано или поздно поймешь, что репутацию на хлеб не намажешь. Надеюсь, не слишком поздно.

Но я уже бежала прочь, перепрыгивая через выбоины в мостовой.

19.

У самых дверей больницы пришлось остановиться. Перед крыльцом стоял дорогой экипаж. Такие использовались для перевозки пациентов в больницах для аристократов: с корпусом из черного матового дерева и просто огромными колесами.

Большие колеса, рессоры — все устроено так, чтобы больных в экипаже не трясло. Говорили, что в таких каретах вообще не чувствуется кочек. Сама я, конечно, ни разу не ездила ни в чем подобном, но сейчас догадывалась, за кем этот экипаж прислали.

Лорд Вейн решил, что его сыну не место в забытой богами больничке. Да оно и к счастью: для персонала такой пациент — только головная боль и лишняя ответственность. А нам и без того дел хватало.

Санитары выкатили младшего Вейна на улицу, и их тут же оттеснили два бравых молодца в идеально отглаженной форме главной столичной больницы. Мне показалось или они даже поморщились, когда им пришлось дотрагиваться до больничной каталки?

Снобы.

Пациент, которого я вчера смогла рассмотреть и снаружи, и внутри, сегодня выглядел намного лучше. По крайней мере его кожа больше не напоминала цветом отбеленный лен, и

если не знать, можно было подумать, что он просто спит, а не находится в целительском сне.

Наши санитары посмотрели на то, как пациента переносят в карету, поскребли в затылках и, прихватив каталку, скрылись в дверях больницы. Зато оттуда появился сам лорд Вейн.

Высокий, худощавый, с противно изогнутым носом с крупными ноздрями, которые сейчас яростно раздувались. Даже не сильно прислушиваясь к его воплям, можно было понять, что благодарности ждать не придется.

— Я составлю отчет по вашей богадельне и отправлю в минздрав, — жестко, отрывисто произносил он. — Грязь, невоспитанность и непрофессионализм! Если мой сын полностью не восстановится, вы все окажетесь на рудниках.

Интересно, а если бы он вчера вообще умер, нас бы всей сменой на виселицу отправили?

Инспектор суетился рядом, униженно кивая и что-то лепеча про «лучшие условия» и «экстренные меры». Он выглядел жалким: руки тряслись, а лысина покрылась испариной.

За этими двумя шла женщина. В идеально отглаженном брючном костюме, шляпке по последней моде и с совершенно нечитаемым выражением лица.

Наверное, такая, какой была моя мать, пока нас не вышвырнули, как уличных котят.

Мать Вейна — а я уверена, что это была она — действовала прагматично. Пока муж выплескивал желчь, ее рука,

затянутая в перчатку, опустила в карман халата инспектора пухлый конверт.

Благодарность за спасение.

И плата за молчание. О том, где именно лечили наследника рода Вейн. О том, что его оперировал не штатный хирург больницы, а приглашенное светило. Только вот молчать инспектор будет еще и о том, что его работу выполняла медсестра с поддельными документами и без толкового образования.

Инспектор, все еще потев от волнения, расплылся в улыбке и притворно-смущенно произнес: «Не нужно».

Однако вынимать конверт из кармана не стал.

Женщина даже не удостоила его взглядом. Она развернулась и ушла в другой экипаж, еще дороже и вычурней, на самоходном двигателе. Туда же сел лорд Вейн, когда карета с его сыном отъехала.

Инспектор зашел в больницу, не заметив меня. А я еще пару мгновений смотрела вслед удаляющемуся семейству Вейнов. В голове навязчиво крутилась мысль: в том конверте с благодарностью и мои деньги.

Это я стояла у стола полночи. Это мои руки копались в кишках Вейна. Пока инспектор был под действием зелья ста-зиса.

— Где инспектор? — Я поймала свою сменщицу, которая пробегала мимо с уткой.

— К себе пошел, — прошептала она. — Эйра, ты бы спря-

талась. Он сейчас злой, все его бесит.

— Плевать, — отмахнулась я и пошла напрямиком в кабинет палатного инспектора.

Инспектор обратил на меня внимание сразу же, как я появилась на пороге, и скривился, как от зубной боли.

— Чего приперлась? Смена вечером.

— Пришла за расчетом, — твердо произнесла я.

Инспектор откинулся на спинку кресла, которое жалобно скрипнуло под его весом.

— Расчет? — процедил он. — Ты вздумала уволиться? Да кому и где ты будешь нужна такая?

— Да, я увольняюсь, — спокойно ответила я.

Лицо инспектора начало покрываться красными пятнами. Его страх перед лордом Вейном трансформировался в агрессию ко мне — к той, кто не может ответить.

— Уходишь без предупреждения — это штраф! — стал он загибать пальцы, а на его лице расплывалась издевательская ухмылка. — В третьей палате нашли плесень — штраф! Ты разбила ампулу неделю назад — вычитаем! Ты мне еще должна останешься, дрянь!

Проблема не только в Вейне: в больнице не хватало рук, палатный инспектор не мог ничего с этим сделать. И это выводило его из себя.

— Но я буду добрый. Прощу тебе этот небольшой должок. Можешь катиться.

Кровь отхлынула от лица. Я вцепилась в край его стола.

— Вы не имеете права!

— Имею. — Он постучал пальцем по бумаге на столе. — Вот приказ о санитарной проверке. Подписан лордом Вейном и мной. Все законно.

Ублюдок. Сволочь. Я медленно разжала пальцы. Отступила на шаг. В голове проносились обрывки мыслей: что делать, как быть, может, пойти жаловаться, но кому? На кого? На человека, который контролирует все документы в этой больнице?

Я должна была уйти. Молча. Смириться, что денег не будет.

Но перед глазами возникла Мира, показывающая огромных стрекоз. В голове что-то щелкнуло.

— Вы закончили? — спросила я тихо.

— Что?

— Я говорю: вы закончили? — Я опустила подбородок и посмотрела на инспектора исподлобья. — А что будет, если все узнают, какой вы на самом деле «гениальный хирург»?

20.

Инспектор прищурился и поднялся, опираясь ладонями на стол.

— Что это ты задумала, дура?

— Хотите, все узнают, кто именно ассистировал его пре-восходительству? — медленно, четко произнесла я. — И о том, где валялись вы, пока медсестра, «которая никому не будет нужна», проверяла руками кишки наследника Вейна.

Он стукнул кулаком по столу, набрал в легкие воздух, чтобы заорать, но понял, что это не в его интересах.

— Заткнись! Да кто тебе поверит... — прошипел он.

Только вот в глазах плескался страх. Инспектор знал, что могут и поверить.

— В ваши годы вредно так волноваться. — Я усмехнулась и сжала кулаки, чтобы руки не дрожали. — Что, если новый инсульт? А профессора Рейвена рядом нет.

Упоминание ректора, кажется, по-настоящему напугало инспектора. Краска сползла с его лица. Он стоял и хватал воздух, как рыбина, выкинутая на берег. Мне оставалось только добить.

— Что скажет лорд Вейн, узнав, что кишки его драгоценного сына перебирали уборщица? — добила я. — С поддельными документами!

— Ты не посмеешь, — прохрипел он.

— Проверим? Что мне терять?

Я развернулась на пятках. В глазах плясали яркие пятна, а сердце билось так, будто вот-вот выпрыгнет из груди.

Тишина. Долгая. Тягучая.

Я успела даже сделать два шага к двери, когда меня окликнули.

— Стой!

Я медленно развернулась. Инспектор тяжело дышал, сжимая и разжимая пальцы. Я видела, как в его маленьких глазах мелькают мысли.

Трясущимися руками он достал из стола мою учетную карточку и бланк.

— Сколько? — процедил он наконец.

Интересный разговор. У меня даже есть выбор? Шантаж — это низко, но как же, оказывается, действительно.

— Расчет. Полный. Без вычетов. — Я не отводила взгляд.

Он со злостью нацарапал распоряжение на бланке и поставил свою размашистую подпись.

— Все?

— И половину взятки. За молчание.

Инспектор скрипнул зубами.

— Ты охренела?!

Мы смотрели друг на друга. Он — с ненавистью. Я — с отчаянной решимостью. Мне надо было обеспечить выживание семьи хотя бы на ближайшие месяцы. Поэтому я затолкала совесть поглубже.

Лейн сказала, что я стерва. Да. Станешь стервой, когда привыкаешь зубами выгрызать любой шанс для сестер.

— Половину, — повторила я. — Или я иду к лорду Вейну прямо сейчас.

Инспектор сплюнул и вытащил конверт из кармана. Отсчитал купюры. Швырнул мне в лицо.

— На, подавись.

Я подобрала деньги. Пересчитала и спрятала в карман. Не половина взятки, конечно. Меньше. Но гораздо больше, чем ничего. Под тяжелым, злым взглядом я забрала бланк расчета со стола инспектора. Надо получить, пока он не передумал и не отозвал распоряжение.

— Проваливай. И чтоб я тебя здесь больше не видел.

— Взаимно, — бросила я.

В кассе мне быстро отдали деньги, посетовав, что вообще работать некому. Я пожала плечами в ответ и поспешила покинуть больницу.

Отойдя на пару кварталов, я завернула в тихую арку и прислонилась к стене. Руки дрожали. Колени подгибались.

Я действительно на такое способна. Шантаж. Угрозы. Мама бы удар хватил, узнай она об этом.

Значит, мама об этом не узнает. А на высокую мораль мне было плевать.

Две крупные купюры легли на прилавок перед дядькой Стривсом. Он поправил на носу очки, крикнул и с сомнени-

ем посмотрел на меня:

— Шесть флаконов? Эйра, детка, надеюсь, мне не нужно беспокоиться о тебе?

Понятно, как это выглядело со стороны. Но сейчас мне было не до разговоров: время снова казалось песком, убегающим сквозь пальцы.

— Получила премию, — коротко ответила я, глядя ему в глаза.

Он только покачал головой. Но все же забрал купюры и выставил передо мной пузырьки.

Я сгребла их в карманы и, кивнув на прощание, бросилась домой. Если сильно повезет — два-три месяца жизни для Миранды. Но за это время мне нужно что-то придумать. Дальше — уже привыкание. Дальше — только бездна.

В квартире было тихо. Мама снова сидела над вышивкой, делая вид, что не происходит ничего необычного. Мешок Лейн так и валялся у порога, раскрытый немим укором. Сама она штопала одежду и даже не подняла взгляд, когда я вошла.

Кирста крутилась у плиты. Но, похоже, еду Брану они так и не вернули.

И правильно сделали.

Тильда, Сона и Мира играли у печки в самодельных кукол. Дети еще. Как же страшно, что им, как и мне, придется быстро вырасти.

— Кирста, помоги мне убрать лекарства для Миры, — по-

звала я сестру и нырнула за штору.

— Так много? — удивилась Кирста.

— Это не на один раз. — Я обернулась к ней и убедилась, что занавеска закрыта. — Я не смогу навещать вас, а приступы могут стать чаще.

У меня просто разрывалась душа. Я не знала, как оставить их. Я не могла представить, как я буду учиться, зная, что тут Море плохо, а я не могу быть рядом.

Но и по-другому я поступить не могла.

Я достала из кармана купюры, что бросил мне в лицо инспектор, и сунула в руку Кирсты.

— Спрячь, — шепнула я ей прямо в ухо. — Никому не говори. Даже матери. Особенно матери. И Лейн не давай.

— Эйра, откуда... — Глаза Кирсты округлились.

— Неважно. Просто спрячь. Ты умеешь считать. Выдавай им понемногу. На еду, на уголь. Будешь говорить, что тебе дали премию.

Сестра сжала сверток так, что побелели костяшки. Она кивнула. Серьезная, совсем взрослая. Я знала — она справится.

Мы вернулись на кухню. Я демонстративно достала из кошелька оставшуюся часть суммы — то, что выдали в кассе.

— Лейн, держи. — Я положила деньги на стол так, чтобы мать видела сквозь открытую дверь. — Это на хозяйство. Ты теперь старшая, тебе и распоряжаться.

Лейн посмотрела на деньги, потом на меня.

— Я... я поняла, — буркнула она.

Прощание вышло скомканным. Я прижала к себе Миру, потом поцеловала Сону и Тильду, обняла Кирсту, еще раз шепнув ей, что верю в нее.

Лейн стояла напротив меня. Я понимала ее чувства: ей страшно. Она не хотела брать на себя безумную ответственность, которую я тащила на себе все эти годы.

Я уже собиралась выйти за дверь, когда она кинулась ко мне и порывисто обхватила меня за шею.

— Береги себя, — выдохнула она. — И возвращайся. Как сможешь.

— Обязательно, — ответила я. — Береги их.

Узелок с вещами — расческа, зубная щетка и мочалка — уже лежал у ног. Я закинула его на плечо.

— Пока, мам! — крикнула я в пустоту.

Но уже на улице мне показалось, что штора в спальне дрогнула.

Второй раз за сутки я шла в академию. Только теперь — легально. И почему-то от этой мысли становилось еще страшнее.

Я чувствовала себя так, будто лезу в клетку с тигром. Добровольно. Зная, что выхода не будет.

Но выбора тоже не было.

21.

Второй раз за одни сутки я стояла перед высокими серыми стенами. Они не просто выглядели неприступными — они были такими, причем как снаружи, так и изнутри — чтобы кадетам меньше хотелось сбегать в самоволку.

И теперь я должна была войти туда на законных основаниях, а не как преступница, рискующая и своей головой, и подругой. Я нащупала в кармане письмо и документы. Мой билет в будущее.

От волнения было тяжело дышать и хотелось закрыть глаза, чтобы голова так не кружилась.

Я подошла к турникету. Внутри все дрожало. Что, если охранник узнает меня? Утренняя уборщица — и теперь кадет? Повод разобраться, показать свою важность. Хотя нет. Не будет он разбираться: инициатива наказуема.

В будке сидел другой дежурный. И хорошо — этот был молод, собран и смотрел цепко. Такой бы точно узнал.

Я протянула ему конверт. Он быстро пробежался по строкам, сверил мои документы со своими записями и кивнул. Индикатор турникета мигнул зеленым. Я выдохнула.

Я боялась, что мне придется искать кого-то, кто смог бы меня направить, но и об этом подумали.

Не успела я оглядеться по сторонам, как меня окликнули.
— Фростгارد?

Слева от проходной стоял хмурый мужчина, на мундире которого ярким пятном выделялась фиолетовая нашивка. Тот самый офицер, который утром отчитывал наглого кадета за попытку украсть учебный кристалл. От одного его ровного голоса у меня тогда ноги приросли к земле. Сейчас эффект был примерно таким же.

— Да, ваше... — Я запнулась, не зная, как к нему обращаться.

Он подошел и остановился рядом, возвышаясь надо мной, как столетний дуб. Такой же могучий и негиббаемый. Но все же он не внушал такого страха, как ректор.

— Подполковник Дроган. Куратор первого года обучения, — представился он. — По всем вопросам вы обращаетесь ко мне.

Следом за ним семенила девушка. В похожем на мое стареньком пальто и неброском шерстяном платье. Ее большие зеленые глаза были испуганно распахнуты, губы искусаны почти в кровь.

Похоже, и для нее это зачисление оказалось внезапным.

— Эйра Фростгارد, Марта Оакс. — Куратор кивнул нам. — Следуйте за мной.

Пока мы шли по прямым, вымощенным камнем дорожкам, девчонка во все глаза рассматривала меня.

— Фростгارد? — не выдержав, прошептала она. — Как...

— Да, — ответила я, сжав зубы: смысла отпираться не было.

Фамилия отца так или иначе была известна всем, кто поступал в академию: «подвиг» отца был в одном из вопросов вступительных билетов. А то, как он поступил с собственной семьей, ни для кого не имело значения.

Марта раскрыла было рот, чтобы еще что-то спросить, но я посмотрела на нее так, что она передумала. Однако стало очевидно: мне нужно готовиться к вопросам. И если те, кто попроще, могли восхищаться отцом, то большинство аристократов знают про наше положение. И не побрезгуют возможностью пройти по мне.

Я собиралась вытерпеть все и зубами держаться за место, чего бы мне это ни стоило.

Серые корпуса высились по бокам безмолвными громадами. Практически никого из кадетов не было видно. Я за весь наш путь заметила только две пары дежурных.

— Куда мы идем? — робко пискнула Марта.

— В казарму, — сухо ответил Дроган. — Положите свои вещи. Сейчас по расписанию вечерняя строевая подготовка, поэтому у нас есть время, чтобы не привлекать лишнего внимания к вашему прибытию.

Мы вошли в серое пятиэтажное здание, такое же, как и все остальные. Узкие окна первого этажа напоминали бойницы. Двери — большие, двустворчатые, с массивными чугунными кольцами вместо ручек.

В огромном мрачном холле с широкой лестницей в центре пахло мастикой и чистотой. Мне показалось, что эти камен-

ные стены и полы мыли даже чаще, чем в нашей больнице. И сомнений в том, кто этим занимался, тоже не возникало — сами кадеты.

— На первом этаже комнаты дежурных, комната хранения вещевого довольствия и кладовая, — неопределенно махнул рукой куратор. — Здесь, — он махнул левой рукой, — вывешиваются все срочные приказы. Ваши спальные помещения на втором этаже.

Мы посемили за ним по каменной лестнице, отполированной за многие годы существования академии. Она освещалась рядом окон, расположенным по вертикали вдоль всех лестничных пролетов — чтобы максимально использовать дневной свет.

Лестница вывела нас на просторную квадратную площадку второго этажа. Здесь были лишь две двери, над каждой из которых прямо в камне стен выбиты надписи на древне-эстерлинском языке. Я не смогла их прочесть. Но этот язык обязателен в программе обучения. Смогу когда-нибудь.

Рядом с надписями темнели немного шербоатые цифры: слева — единица и справа — двойка. Похоже, номера курсов. Подполковник свернул к левой двери.

— Это комната первого курса, — произнес он и распахнул дверь, пропуская нас в просторное помещение с высокими сводчатыми потолками и двумя рядами окон. — Ваши койки двадцать и двадцать девять.

Я замерла. Что я ожидала увидеть? Ну точно не два ряда

двухъярусных черно-белых металлических кроватей вдоль стен. Над каждой — своя лампа, но я была уверена, что все они загораются и гаснут одновременно — по режиму. Около каждого спального места — привинченная к стене полка и... все. Никаких ширм-занавесочек. Неужели?..

— Вещи можно сложить в шкафы с вашим номером у дальней стены, — продолжил инструктировать Дроган.

— Это спальня для... девочек? — произнесла вслух мои опасения Марта.

Подполковник усмехнулся и покачал головой.

— Кадет Оакс, здесь нет девочек и мальчиков, здесь будущие военные медики. И никого не смущают анатомические особенности. Вам все ясно?

Марта странно всхлипнула, а я сжала зубы. Но куратор все же решил сжалиться над нами и добавил:

— Санузлы отдельные, в дальнем конце спальни. Женский — налево, мужской — направо. Подъем в шесть ноль-ноль. Отбой в двадцать два ноль-ноль. За опоздание на построение — наряд вне очереди. За нарушение устава — гауптвахта. Здесь нет леди и простолюдинок, здесь есть кадеты. Это понятно?

Мы не сговариваясь кивнули.

— Да, подполковник Дроган.

— Форму и постель получите в комнате хранения вещевого довольствия после ужина. А сейчас приведите себя в порядок. У вас пять минут.

Я машинально одернула свое платье. Марта рассеянно посмотрела на ряды кроватей.

— А дальше? — все же решила уточнить я.

— Дальше я сопровождаю вас в административный корпус. — Подполковник посмотрел на нас как будто бы с сочувствием. — Ректор академии, профессор Рейвен, желает лично проинструктировать тех, кого он зачислил на курс посреди семестра.

Воздух застрял у меня в горле. Мир на секунду покачнулся. Левый глаз дернулся.

Если Рейвен меня узнает — мне конец.

22. Альтер Рейвен

День тянулся бесконечно. К вечеру головная боль наконец притихла, оставив тупую муть в мыслях и ощущение, будто в череп насыпали сырого песка. Тоже, видимо, устала бороться с бумажной волокитой. Единственным светлым пятном стал спецкурс по генетической хирургии у выпускников. По крайней мере они стали уже почти полноценными личинками целителей... но только годы практики сделают из них взрослых особей.

Из тех, кто доживет.

Шнаус-старший едва не пережег кристалл связи, пытаясь добиться от меня личной встречи. Даже пытался угрожать. Дело о краже тут же оказалось в полиции. Нет, до суда дело не дойдет — я не настолько наивен. Но нервы потреплют знатно, и банковский счет облегчат. Сын человека, снабжающего армию, — вор! Он сделает все, чтобы эта история не попала в газеты... Плевать на репутацию, какие убытки — желающие его подсидеть и самому погреть руки на армейских контрактах найдутся мгновенно.

А я позабочусь о том, чтобы его конкуренты об этом узнали. Одна-другая нечаянно оброненная рядом с нужными ушами фраза — и никаких газетчиков не понадобится.

Я предупреждаю только один раз. Не захотели услышать — ваши проблемы.

Сам я этого недоумка не допрашивал, однако стенограмма отчета подтверждала предварительный диагноз: хронический дефицит серого вещества мозга. Который сам кадет трактовал как острую нехватку адреналина.

Он поспорил. Этот идиот решил, будто умнее всех остальных и сможет пронести селективный кристалл за КПП. Думал — если это слово применимо в данном случае — что легче всего провернуть кражу, когда все завтракают.

Что ж, полиция компенсирует ему недостаток адреналина с лихвой.

Вместо анатомии по расписанию первый курс вывели на построение. Двадцать восемь кадетов, уже сейчас считающих себя элитой только потому, что прорвались сюда. На самом деле — кучка перепуганных щенков. Кто-то из них, может, и станет элитой. Если дотянет до диплома.

Осенний ветер мигом выдул из этих голов спесь и мечты о том, как они, облачась в расшитые золотом мундиры, станут вершить судьбы империи. Кадеты ежились, переминались с ноги на ногу и откровенно не понимали, за что их выволокли на улицу.

И, конечно, мне они не обрадовались.

Я прошелся вдоль строя. Медленно. Шепотки стихли, только дыхание вырывалось облачками пара и тут же таяло в серой предвечерней мути.

— Сегодня кадет Шнаус покинул академию. — Я не повышал голос, но тишина и акустика плаца донесли его до каж-

дого. — Отчислен. Без возможности восстановления.

Кто-то дернулся, кто-то судорожно вздохнул, кто-то переглянулся с соседом. И снова все притихли.

Я остановился в центре, заложил руки за спину, оглядел строй. Те, кто обычно стоял по обе стороны от Шнауса, сдвинулись друг к другу, будто пытались заткнуть дыру, на месте которой еще сегодня утром был их товарищ.

— Некоторые из вас уже наверняка знают, что он натворил. Остальным сообщаю: он пытался украсть государственное имущество. Забавы ради. Видимо, учебной нагрузки оказалось недостаточно, чтобы его развлечь. Кадет Шнаус заключил пари.

Я снова замолчал. Ветер прошелся по деревьям, закружил у меня под ногами маленький смерч из листьев.

— Идиотам не место среди тех, от кого будут зависеть чужие жизни.

Я снова оглядел их — одного за другим. Кто-то побелел, кто-то пошел красными пятнами, и ни один не выдержал моего взгляда. Возможно, им было стыдно. Возможно — просто боялись. Единицы, наверное, начали понимать: шутки давно закончились.

Но мне надо было, чтобы это поняли все. А потому — придется преподать еще один урок.

— Для пари нужны как минимум двое. Тот, кто подбил Шнауса на это дерьмо, — три шага вперед. Немедленно. Тишина. Ни один не шелохнулся.

— Даю десять секунд на то, чтобы найти в себе остатки яиц.

Подполковник Дроган за моей спиной щелкнул крышкой карманных часов. Я бросил короткий импульс, усиливая звук.

Тик.

Звук ударил по плацу, как молот по наковальне. Один из кадетов в первом ряду вздрогнул.

Тик.

Десять ударов, отсчитывающих их коллективную трусость. Никто не вышел. Тот, кто подговорил Шнауца, сейчас молился, чтобы его не сдали. А остальные... остальные решили поиграть в героев.

— Считаете, что прикрывать своего, — это доблесть? Разочарую вас. Это — круговая порука. Попытка скрыть преступление на передовой оборачивается братской могилой для всего отряда. Попытка скрыть свою ошибку... даже свою слабость погубит не только вас. В прямом смысле. Целитель, скрывший, что истощил резерв, убьет всех, кто от него зависит. Вы сейчас не кучка кадетов. Вы — единое тело. И если в нем завелась гниль, плохо будет всем.

— Подполковник Дроган, — произнес я в пространство.

Куратор первого курса, чеканя шаг, вышел у меня из-за спины и вытянулся напротив.

— Слушаю, ваше превосходительство!

23.

— Сопроводите кадетов на склад и проследите, чтобы им выдали полную боевую выкладку. Далее сопроводите их на полосу препятствий.

— Есть!

Он отошел к строю дожидаться возможности выполнить приказ. Кадеты позеленели — кажется, до них начинало доходить, что добром все это не кончится.

— Рассчитаться на первый-второй! — рявкнул я.

Расчет пронесся по ряду, и снова стало тихо.

— Первый — условно тяжелораненый. Второй — эвакуирует. Задание: преодолеть полосу препятствий. Раненый коснулся земли — возвращаетесь на старт. Попытались смухлевать — возвращаетесь на старт. Раненый решил помочь товарищу — возвращаетесь на старт. После финиша возвращаетесь на старт, меняетесь и проходите дистанцию заново. Не уложите в полчаса — весь курс вместо ужина отрабатывает строевую подготовку до отбоя. Всем ясно?

Ни звука. Только обреченный выдох двадцати восьми парней.

— Всем ясно? — повторил я.

— Так точно, ваше превосходительство! — хором рявкнули они.

— Исполнять.

— Нале-во! — скомандовал Дроган. — Шагом марш!

Я не стал смотреть им вслед. Не они первые, не они последние, из кого приходится выбивать дурь сытой и ленивой жизни. Привыкли, что прислуга целует им задницы, а родители всегда прикроют.

В полевых условиях прикрывать будет некому.

И, если уж начистоту, я бы сейчас предпочел сам пробежаться по полосе препятствий вместо того, чтобы снова зарабатывать геморрой, разбираясь с бумагами.

Однако пришлось. Я не разгибался до самого вечера. Уже после шести Горнет принес письмо. Пометка «Срочно», министерский штамп. Итог того самого заседания в министерстве санитарии, которое я сегодня благополучно прогулял. Обсуждать с тыловыми чиновниками очередное постановление об ужесточении контроля за расходом спирта я не собирался: здесь, в академии, хватает дел поважнее.

У машинописного текста нет особых примет. Вот только имя в конце отозвалось вспышкой боли в затылке.

«В связи с участвовавшими случаями возникновения новых очагов колониального мора в южных провинциях постановляем откомандировать пятерых лучших кадетов выпускного курса на стажировку в колониях. Донести распоряжение до генерала А. Рейвена.

Ответственным за исполнение назначить генерала О. Фростгарда».

Пальцы смяли листок, чтобы отправить эту писульку в ка-

мин. В голове снова зазвучал равнодушный голос офицера связи. Казалось, от бумаги несло той едкой гарью, которую невозможно забыть даже за годы.

— Готовлю приказ о стажировке? — спросил Горнет.

Я усмехнулся. Размашисто написал поперек листа: «Отказать». Поднял голову.

— Пусть сам едет и покажет, как надо работать, а не отправляет в чумной город моих лучших студентов.

Горнет ушел. Я с хрустом потянулся в кресле и ругнулся, услышав стук в дверь. Кого еще принесло?!

— Разрешите, ваше превосходительство? — В дверях стоял подполковник Дроган.

Точно. Новые кадеты. Велел подготовить приказ, привести их вечером — и забыл.

Я вытянул его из стопки бумаг на столе. Как раз и познакомимся.

Я пропустил стандартный текст и остановился на фамилиях зачисленных. Марта Оакс и...

Эйра Фростгард.

Воздух застрял в груди. Твою. Мать.

Буквы заплясали перед глазами.

— Входите, — приказал Дроган, не оставляя мне времени подумать. Я натянул на лицо равнодушную маску.

В висках колотилась кровь. Я сам, собственной рукой, приказал зачислить на факультет дочь Фростгарда. Я хотел талантов из списка ожидания. Я получил... Талантище.

В кабинет вошли двое. Трясущаяся белобрыся девица.
И вторая.

Гладко зачесанные темные — наверное, в мать, которую Фростгард привез из колоний, — волосы. Белая, почти прозрачная кожа.

Признак породы у аристократов. Или недоедания у...

У слабоумной уборщицы, которая утром драила мой кабинет и разглядывала мои причиндалы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.